

Людмила Лапина

Перстень с сапфиром

повести

Людмила Лапина

Перстень с сапфиром. Повести

«Издательские решения»

Лапина Л.

Перстень с сапфиром. Повести / Л. Лапина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746412-7

В сборнике «Перстень с сапфиром» три повести. Мистическая «Жрец забытого бога» рассказывает о съемках вестерна в Аризоне, о любви Саманты и Ричи, чье прошлое омрачает кровавая тайна. Приключенческая «Конец райского уголка» посвящена Гражданской войне в США: в 1862 году от семьи плантаторов остались в живых 17-летняя Мелисса и тетя Джина, их дом сожгли янки. Фантастическая «Перстень с сапфиром» повествует о любви нашей современницы Лилианы и рыцаря XII века. Их соединил Святой Грааль.

ISBN 978-5-44-746412-7

© Лапина Л.

© Издательские решения

Содержание

Жрец забытого бога	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Перстень с сапфиром
Повести
Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2016

ISBN 978-5-4474-6412-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жрец забытого бога Мистическая повесть

Прекрасен рассвет в Аризоне. Все живое просыпается, двигается, вдыхает утреннюю прохладу. Восток полыхает буйством красок. Над поверхностью Солт-Ривер поднимается легкий белый туман, сливаясь с дымком сигареты Ричи Сарандона, но ничто не радует его в это ясное утро. Одна мысль о том, что сегодня первый день съемок у модного голливудского режиссера Льюка Бассина, отравляла настроение молодого человека с того самого момента, как он открыл глаза. Лос-анджелесский умник задумал снять блокбастер с многообещающим названием «Легче колибри, ершистей кактуса». Ричи рассерженно затоптал сигарету каблук ковбойского сапога. Бесплезно объяснять нацеленному на очередной «шедевр» мистеру Бассину, что колибри водятся только в Южной Америке. Ричи надел шлем, очки, перчатки, прыгнул в седло старого «Харлея» и понесся со скоростью ста миль на съемочную площадку, оборудованную в окрестностях Финикса. Его не радовало, что он может жить в собственном доме и ездить на съемки в столицу штата. Ричи нежно любил свой старый дом с красной черепичной крышей, арками, патио, верандами и высокими потолками. В нем всегда прохладно, что кажется чудом в жарком климате штата на границе с Мексикой. Дом, отделанный в стиле «исабелино», ставшем модным после удачного завершения Реконкисты, казался перенесенным на юго-запад Соединенных Штатов Америки прямо из садов Альгамбры. Этот дом из местного песчаника построил его предок-индеец для своей жены, знатной испанки. Род ее обосновался в Калифорнии в середине шестнадцатого века.

Размышляя об истории своей семьи, Ричи въехал на стоянку, выключил мотоцикл, повесил шлем на руль, кинул в него очки, перчатки и со скучающим видом отправился на поиски режиссера. Если бы Ричи жил во времена Байрона, он бы идеально подошел на роль его демонического героя – Манфреда, Гяура, Корсара – то же выражение холодной пресыщенности на красивом лице, ничего не выражающие глаза, походка и стать лорда.

– Хэлло, ребята, где наш знаменитый босс? – осведомился Ричи. Небрежно помахав рукой съемочной группе в ответ на сумбурные объяснения, он увидел шуплую фигуру режиссера в кресле у съемочной площадки, кивком приветствовал его и замер, прислонившись бедром к стене.

– Привет, Ричи, – отозвался Льюк. – Познакомься – Саманта Гловер – твоя партнерша.

Ничего не выражающие топазовые глаза скользнули по хрупкой фигурке и ушли в сторону, но бархатный голос промурлыкал:

– Хелло, детка!

Саманта задохнулась, слезы подступили к ее глазам, и сердце бешено застучало – сам Сарандон будет ее партнером! В ее первом фильме, и это будет обожаемый ею вестерн!

– Начнем, начнем! – заорал Льюк, возбужденно задирая на лоб круглые, как у Леннона, очки. Блеклые серые глаза мистера Бассина светились бешеной энергией, сделавшей его одним из лучших режиссеров Голливуда. С кривой улыбкой Сарандон подчинился мэтру и скучающей, расслабленной, но все равно упругой походкой скользнул в свой персональный вагончик. Костюмерша и гримерша уже ждали его и быстро переодели в шляпу с загнутыми, как рога, полями, замшевые штаны, куртку с бахромой, растрепали золотистые волосы. Аристократическое лицо Ричи загримировали, нанеся «пот» и «копоть». И вот уже доблестный ковбой готов в очередной раз сразиться за справедливость и обрести вечную, до конца фильма, любовь.

На съемочной площадке загорелся маленький городок, по его улицам скакали полуголые индейцы, хватавшие несчастных женщин. Ричард взял винчестер и шагнул в кадр. Герою надо попасть из салуна в конюшню, но Сарандона тошнило от всей этой суеты. Со смерти Лайзы-

Энн прошло уже два месяца, но до сих пор каждую ночь ему снилось изувеченное тело. После похорон он взял всю свою наличность и поехал развеяться в Лас-Вегас. Деньги его развеялись в течение трех ночей и двух дней безумного угара. Он наделал долгов и сейчас, чтобы не потерять фамильный дом, ему нужно получше и побыстрее сняться в шедевральном голливудском фильме.

Ричи нехотя признал, что место для натуральных съемок выбрано верно – кактусов в Аризоне хоть отбавляй, жаль, так не повезло со сценарием и партнершей. Он привык к высоким красивым девушкам, а эта, как ее, Глория, нет, Саманта, как раз упирается головой ему под мышку. И эти ее соломенные растрепанные волосы, бледные голубые глаза при полном отсутствии груди и бедер! Ричи любил высоких, хорошо сложенных рыжих или темноволосых женщин с карими глазами. Гадая о степени заинтересованности Льюка своей новой протеей, Ричи подошел к режиссеру и нехотя отсалютовал ему ружьем.

– Отлично, просто отлично! – завопил Бассин, оглядывая Ричи так, как будто тот был его любимым домашним зверьком и хорошим поведением заслужил лишнюю порцию сухого корма.

– Коня нашему ковбою, и начнем! – провозгласил режиссер. Привели красивого гнедого жеребца, но, едва Ричи протянул руку к луке седла, конь захрапел и поднялся на дыбы. Артист пожал плечами и повторил свои действия. Жеребец испуганно ржал и закатывал глаза, шаркаясь от предполагаемого седока.

– Держите его крепче, – велел Ричи конюхам, отошел на несколько шагов, разбежался, взмыл в воздух и опустился на спину жеребца, попав точно в седло. Он вставил ноги в стремяна, сжал шенкелями бока несчастного животного, твердой рукой взял поводья и сказал:

– Я готов, Льюк, можно начинать.

Режиссер в восторге завопил в рупор, и первый съемочный день начался. К концу сцены Ричи невольно почувствовал уважение к партнерше – она была собрана, могла справиться со своим волнением, тщательно и точно выполняла все указания режиссера. Льюк славился тем, что мог заставить талантливо сыграть даже камень, и молодые восприимчивые девушки делали у него блестящую карьеру. Когда первый съемочный день подошел к концу, Ричи отклонил приглашение на вечеринку по поводу этого события. Даже влажные робкие глаза Саманты не остановили его, когда он стремительно шел к своему мотоциклу. Но, надев шлем, он повернулся к ней:

– Старайтесь, мисс, у вас неплохо получается!

Сердце Саманты готово было лопнуть от счастья – ее похвалил сам Ричард Сарандон, ее кумир. Ей нравилось в нем все – высокая гибкая фигура, золотистые волосы и глаза цвета хорошего виски. И его голос, Боже, его чудный голос! Если бы виски могло заговорить, оно говорило бы так, обволакивая и обжигая, мягким с хрипотцой, теплым мурлыкающим голосом. А его походка – гибкая, обманчиво небрежная. Казалось, он плывет над землей. Девушке вдруг захотелось узнать, выживет ли она, если Ричи сбросит рубашку и куртку, и она наяву увидит его обнаженный торс. У бедняжки пересохло в горле, и она еще долго смотрела, как оседает пыль, поднятая стремительным отъездом ее кумира.

Ричи несся по дороге как разъяренный дьявол. Он устал и проголодался. Ночь уже наступала с востока, а на западе догорал великолепный аризонский закат, буйное смешение роскошных лиловых, золотых и багряных красок. Ворота родного дома распахнулись навстречу Ричи. Он завел мотоцикл в гараж, и устало пошел к бассейну. Сбрасывая на ходу пропыленную одежду, молодой человек с восторженным рыком бросился в прохладную воду. Переплыв бассейн несколько раз, он вынырнул и вылез на бортик. Небрежно завернувшись в полотенце, присел к изысканно сервированному столу, накрытому на одну персону, но в расчете на хозяйский аппетит. Молодой человек приподнял одну из серебряных крышек. Его желудок громко квакнул от вкусного запаха. Да, сеньора Хулия готовила бесподобно, а ее муж, дон Рамон, поддер-

живал порядок на ранчо. Пожилая бездетная семья Лопесов приходилась дальними родственниками хозяевам ранчо. Ричи знал их всю жизнь и привык к постоянной заботе. Он с усмешкой спрашивал себя, перестанет ли опекать его пожилая сеньора, когда ему исполнится шестьдесят лет. Осталось подождать тридцать лет, чтобы выяснить это. Так лениво думал он, поглощая вкусный ужин.

– Понравилось ли тебе чили, мой мальчик? – нежно спросила сеньора Хулия, подойдя, как всегда, бесшумно. Темная мантилья в сумерках делала ее похожей на тень, но пышные оборки широкой юбки шуршали успокаивающе, как в детской.

– Все было великолепно, очень вкусно, – ответил Ричи, сыто откидываясь на спинку легкого плетеного кресла.

– Что же гнетет тебя, Рикардо? – ласково продолжала пожилая сеньора.

– Я в порядке, милая Хулита, – рассеянно ответил ее воспитанник.

– Нет, ты не в порядке, – горячо заговорила Хулия.

– Не вини себя так. Сеньорита Лиза-Анна умерла и похоронена, но не ты причина ее смерти!

– Я виновен, как если бы поднес к ее голове заряженный винчестер и спустил курок, – печально сказал Ричи.

– Ты не убивал ее, – умоляюще сказала Хулия. – Не смей себя казнить!

– Я привез ее на ранчо, показал долину Солт-Ривер, хотел, чтобы она полюбила эти места, как я их люблю, – продолжал Ричи. Он уже не

мог сдерживать свое горе и спешил поделиться с близким человеком.

– Чудесная была девушка, – вздохнула Хулия. – Такова уж воля Божья! Зато теперь твой нежный ангел на небесах и хранит тебя.

– Помолись за нее, Хулита, – попросил Ричи, зажигая длинную тонкую сигару.

– Я молюсь за нее каждый день, – горячо выдохнула почтенная домоправительница. – И за твоих дорогих родителей.

– Я знаю, спасибо тебе, Хулита, – сказал Ричи, вставая со стула.

– Все было очень вкусно. А сейчас я пойду в свою комнату, ужасно хочется спать.

– Храни тебя Бог, мой мальчик, – мягко сказала сеньора и перекрестила своего воспитанника. Он вздрогнул, хотел что-то сказать, но промолчал.

По внутренней лестнице он поднялся на второй этаж, на галерею, окружающую патио с бассейном. В этот внутренний дворик выходили все двери жилых апартаментов старинного фамильного гнезда. Молодой человек шел в свою комнату, путь его озаряли только серебряные южные звезды, но он ни разу не оступился, не споткнулся – здесь, на своем ранчо, ему знаком каждый камешек, каждая ступенька. Ричард Сарандон нежно любил старый дом, относился к нему как к живому существу. История семьи, родного штата, любимой страны занимала важное место в его жизни, определяла его мировоззрение.

В спальне он небрежно включил телевизор и вышел на балкон докурить сигарету. Поло-тенце соскользнуло на пол, и обнаженный Ричи подставил тело порывам прохладного ночного ветерка. Темно-синее ночное небо, усеянное мириадами алмазных точек, выгнулось над Аризоной. Тоненький серпик молодой луны стыдливо виднелся на востоке. Ричи пожал плечами – пока он еще может обуздать сосущую ненасытную тоску, захлестывающую его в полнолуние, когда луна, его мучительница, нальется серебряным светом и засияет в ночи как изнанка солнца. Тогда в лунном свете сотворятся ужасы, леденящие кровь обычных людей. До поры Ричи Сарандон не верил во все эти старинные легенды, индейские сказки и предания. Не верил, пока не убедился в их правоте. Он с привычной аккуратностью затушил окурочек в серебряной пепельнице и вернулся в спальню. Упав на кровать, Ричи посмотрел новости, выключил телевизор и сам не заметил, как заснул. Он проспал всю ночь и проснулся с рассветом, чувствуя себя необыкновенно бодрым и отдохнувшим. Ему снилась Лайза-Энн, но не изуродованная

и бездыханная, залитая своей кровью, такая, как он нашел ее в долине Солт-Ривер в то ужасное утро. Нет, в его сегодняшнем сне она была прекрасна, ее нежное лицо озарялось чудесной улыбкой, она плавно возносилась вверх, прощаясь с ним, и Ричи чувствовал, что она простила его. Он проснулся, улыбаясь впервые за последние два месяца. Насвистывая пошлую песенку, он сбежал по лестнице и бросился в холодную воду бассейна. Его питал подземный родник.

Когда-то здесь был колодец, который его прапрадед-ацтек велел вырыть на случай осады команчей. Времена были беспокойные, в Виргинии шла война, и индейские вожди вышли на тропу войны против белых поселенцев. Если бы индейцы лучше координировали свои действия, они могли бы навсегда расправиться с белыми, поэтому прапрадед Алонсо укрепил старый семейный дом, превратил его в настоящую крепость. Он боялся за свою семью, хотя дедом его был могущественный Белый Орел, вождь и жрец одного из поселений ацтеков. Семейное предание гласило, что дон Алонсо случайно сразил своего деда, выстрелив из подаренного им лука отравленной стрелой. Дон Алонсо держал на коленях голову умирающего и просил прощения, но суровый воин перед последней чертой проклинал внука и все его потомство. Сам дон Алонсо не прожил долго – его убила взбесившаяся лошадь. Красавица испанка, его супруга, ненадолго пережила его – ее погубила родильная горячка. Их единственный сын, дон Винсенте, был воспитан родственниками матери, и в восьмидесяти годах прошлого века женился на испанке, донне Росите. Она принесла ему золотые прииски в Калифорнии, но не смогла завоевать сердце, отданное красавице индианке из города его прадеда-ацтека. Наследник испанцев и ацтеков хотел жениться на ней, но испанская родня воспротивилась и быстро подыскала ему невесту из знатного калифорнийского рода. Индианка была безутешна, и, когда молодожены вернулись из свадебного путешествия, попросила о последнем свидании. Дон Винсенте так и не возвратился домой. Донья Росита родила дону Серхио и скончалась от родильной горячки. Судьба дону Серхио сложилась по-иному. Он дожил до глубокой старости и успел увидеть своего правнука – Ричарда (Рикардо). Старый дон пережил всех своих пятерых сыновей, невесток и внуков, и теперь Ричи остался единственным представителем рода Сарандонов, на нем лежали обязанности продлить его и позаботиться о семейном гнезде. Ричи признавал свою ответственность. Жизнь обошлась с ним не слишком приветливо, ему многое было дано, но много ударов он уже перенес – гибель родителей, старшего брата Альваро, и ужасные, загадочные смерти девушек, с которыми его связывали достаточно близкие отношения.

Ричи вынырнул, расплескивая воду и отфыркиваясь. В такое ясное солнечное утро не хотелось думать ни о чем плохом, особенно о трагедиях, омрачивших прошлое его семьи. С аппетитом позавтракав, молодой человек оседлал мотоцикл, помахал на прощанье верным старикам, крикнул:

– Вернусь поздно! – и поехал на съемки.

Подъезжая к Финиксу, он с удивлением нашел еще одну причину своего хорошего настроения – Саманта! Оказывается, мысль о том, что он сейчас увидит эту невысокую худышку, была не совсем неприятна ему. Мурлыкая себе под нос, Сарандон припарковал мотоцикл и легкой походкой пошел к своему фургону. Одеваясь в костюм для съемок, он представлял бледное лицо Саманты и спокойно улыбался. Ей всего восемнадцать, она наивная, несовершеннолетняя, совсем не в его вкусе, и, значит, зловещая тень, нависшая над его жизнью, не затронет это юное создание. Никакая опасность ей не грозит. Ричи мурлыкал мексиканскую песенку, глаза его потеплели. Может быть, теперь он уже никому не причинит зла. Надо только постараться.

На съемочной площадке царил радостное оживление. Вчерашний день задал хороший темп работы, и режиссер радостно приветствовал свою главную звезду:

– Хэлло, красавчик!

Ричи холодно кивнул в ответ и заметил Саманту. Она уже в костюме – рваном платье, с распущенными волосами и пятном грязи на бледной щеке – была готова к началу съемок. Предстояло снять сцену – героиня попала в руки мексиканских бандитов, а возвращающийся из Абилина ковбой ее спасает. Льюк расставил артистов по местам и махнул оператору. Второй день съемок начался. Сарандон поднялся из-за кустов в самый пикантный момент, когда злодей, вынув мачете, срезал с девушки платье. В два прыжка Ричи пересек площадку, уложил злодея метким ударом в челюсть, подхватил связанную девушку и исчез в зарослях. Эпизод отснят. Снимая партнершу с плеча, Сарандон пытался быть с ней очень осторожным и аккуратно поставил на ноги, поддерживая, чтобы она не упала. Он потянулся к ножу на поясе, чтобы разрезать веревки на девушке, но усмехнулся своему рвению – к актерам уже подбегали костюмеры. Они развязали Саманту, но она стояла, не в силах отвести взгляд от партнера – его мимолетная усмешка зажгла в янтарных глазах золотистые огоньки, и Саманта поняла, что гибнет и сама призывает гибель на свою голову. Девушка не шевелилась, замороженная игрой света на выразительном лице Ричи.

– С вами все в порядке, мисс Гловер? – спросил он, слегка дотронувшись до ее руки, потому что девушка стояла, как замороженная, и следила за ним широко раскрытыми влажными глазами.

– О да, благодарю вас, – выдохнула она, и глаза молодых людей встретились. Ричи застыл, вглядываясь в ее невинные голубые глаза. Он ругал себя за глупость, но не мог отвести взгляд, впитывая прелесть этих, похожих на чистые озера, глаз. А девушка не могла даже опустить веки, чтобы защититься от взгляда Ричи. Ей казалось, что она покинула свое тело и тонет в ласковой янтарной глубине. Время замерло. Положение, сам того не зная, спас Льюк Бассин.

– Очень хорошо отснято, – заорал он. – Снимаем дальше!

Начались съемки массовой сцены – бандиты бросились в погоню за девушкой и лихим ковбоем.

Ричи подошел к выносной буфетной стойке и взял бутылку минеральной воды. У него внезапно персохло горло. Стараясь уверить себя, что это не оттого, что он заглянул в глаза мисс Гловер, Сарандон опустился на траву и сделал хороший глоток. Солнце палило невыносимо, и молодому человеку страстно захотелось окунуться в реку Солт-Ривер, и чтобы над головой его раскинулось звездное небо...

Над головой его раскинулось звездное небо. Полная луна изливала яркий, холодный свет, и Ричи чувствовал, что все его неприятности и проблемы уходят, когда он пробирается по узкой тропинке к реке Солт-Ривер. Легкими прыжками он пересек прибрежные заросли и с веселым ревом бросился в прохладные воды родной реки. Вдоволь охладившись, он вернулся домой и только утром понял, что купался совершенно обнаженным. Тогда он посмеялся над своей развязностью, но это был его последний беззаботный смех...

Усилием воли Ричи постарался забыть, что было дальше. К нему подошли парикмахер и гример, подправили грим, сделали его измученным и запыленным. И вот уже Ричи и Саманта лежат среди скал, и их настигают бандиты...

Саманта вошла в свой трейлер вся измученная. Работа давалась ей нелегко, да еще эта чертова жара. Она чувствовала себя ужасно, и не только потому, что выкладывалась на съемках. Нет, больше всего ее угнетало то, что она не может воспринимать Ричарда Сарандона только как партнера по фильму. Она задыхалась, едва взглянув ему в глаза, ее колени превращались в желе, когда он касался ее в кадре. Сегодня три дубля пропали из-за этого. Не в силах справиться с собой, девушка зарыдала.

Утром свежий, хорошо выспавшийся Ричи в числе первых прибыл на съемки. Раньше его пришел только Льюк Бассин.

– Привет, ненаглядный, – нежно сказал он своей звезде, проходя мимо.

Ричи ощерился и чуть не зашипел вслед режиссеру. Сарандон вышел уже из того возраста, когда подобные шуточки доставляли ему удовольствия, и не достиг, еще того, когда подобные выходки переносятся спокойно. Раздраженный, как атакующая гремучая змея, Ричи подошел к своей лошади, уже оседланной и подготовленной для съемки. Конь заржал, почти завопил от страха и встал на дыбы. Ричи досадливо выругался. Как ему это надоело! Он в жизни не сделал плохого ни одной лошади, даже верхом ездил без шпор до прошлого года. Час ушел на то, чтобы усмирить бедного коня, и день не заладился с самого начала. О Ричи можно было зажигать спички. Он не кричал, не ругался, а язвил холодно и беспощадно. Саманта чувствовала его взрывоопасное настроение. Единственной похвалы в этот тяжелый день удостоилась ее сцена с Ричи, когда она спасла своего спасителя, отсосав ему яд после укуса гремучки. Ричи оценил рвение дебютантки и не сделал ее мишенью для своих злых шуточек. Он рано уехал домой, и вся съемочная группа расслабилась.

Саманта вошла в свой трейлер. Кондиционер исправно охлаждал горячий воздух Аризоны, и девушка сразу же почувствовала себя лучше. Сегодня она могла отделить работу от того, что происходит в ее душе. Холодная язвительность Ричарда помогла ей в этом. Ей было очень жаль молодую костюмершу Пегги Тул. Ричи случайно порвал свою бандану и попросил заменить. Пегги бросилась за новой и не нашла ничего подходящего. Весь сарказм Ричи обрушился на голову бедной девушки, и он отказался от ее услуг. Уезжая в Финикс, зареванная ирландка процедила в сердцах:

– Пусть я и растяпа, но не убийца...

Саманта несколько раз прокрутила эту тяжелую сцену перед своим мысленным взором, но, устав, вытянулась на кровати в трейлере. Многие члены съемочной группы жили в фургонах, чтобы утром и вечером не мотаться в отели Финикса. Перед сном мысли Саманты приняли другое направление, она позавидовала тому, что Сарандон работает так близко от своего дома.

– Ах, хоть одним глазком взглянуть бы на его ранчо, – мечтала девушка, засыпая.

На следующий день группа выехала на натурную съемку к реке Солт-Ривер. Здесь запланировали снять несколько лирических сцен – купание главной героини, первый любовный поцелуй. В нижней юбке и батистовой рубашке Саманта вошла в воду. Из зарослей тростника на девушку уставились горящие янтарные глаза. Ричи машинально оценил стройную девичью фигурку. Она выглядела удивительно пропорционально, как изящная статуэтка. Сердце актера сладко дернулось и пропустило удар. Он смотрел, не в силах отвести глаз от узких плеч, точечных рук и гривы соломенных волос, отливающих золотом под беспощадным солнцем Аризоны. Когда Саманта вышла на берег и костюмерша кинулась к ней с купальной простыней, простая мысль посетила Ричи: «Я погиб!»

– Теперь ты, Ричи, – скомандовал режиссер, и голый Ричи покорно зашел в воду, чуть выше по течению. Он намыливался, смывал пену и ощутил спиной чей-то горячий взгляд. Ричи похолодел. Взгляд жег неотступно, и холод сковал сердце молодого человека. Это началось опять. И теперь уже с Самантой. Золотистые волоски дыбом встали на руках Ричи. Одним прыжком он выскочил на берег. Саманта внезапно стала для него самым дорогим человеком в мире, и он оградит ее от любой опасности, даже той, что несет ей сам. Надо только следить за ней и держать себя в руках, иначе он погибнет и погубит ту, что стала ему дорога. «Убийца!» – звучал в его мозгу плачущий голос Пегги. Он досадливо передернул плечами и потянулся за джинсами. Полиция тогда не смогла предъявить ему никакого обвинения.

– Снимай штаны, Ричи! – раздался радостный голос режиссера.

– Сейчас будешь выносить из воды нашу красавицу.

Операторы припали к камерам, Льюк крикнул:

– Мотор!

Саманта уже стояла в воде. Предстояло сыграть легкую сцену, не надо бежать, скакать и отстреливаться, но колени ее дрожали, когда по знаку режиссера она пошла к берегу. Мимо

нее проплыли джинсы, по сценарию упущенные героем. Он бросился за ними и столкнулся с Самантой. Она вскрикнула (на экране это будет крупный план), но была подхвачена сильными руками. Ричи вынес ее из воды. На берегу, он позволил девушке соскользнуть по своему телу, но не смог разжать объятия. Льюк в экстазе метался на своем раскладном кресле с надписью на спинке «режиссер» и зажимал себе рот, чтобы нечаянным воплем не сбить лирический настрой актеров. Они не могли оторваться друг от друга, и поцелуй вышел очень долгим. Саманта из последних сил оттолкнула партнера, как и, должна, была по сценарию. Он тут же разжал руки и отошел.

– Великолепно! – завопил Льюк.

– Не будем делать еще дубль. Все свободны!

Костюмерши накинули на Саманту и Сарандона купальные полотенца. Актеры разошлись по трейлерам. Девушка закуталась в купальный халат и с чашкой ромашкового чая в руке опустилась на стул – ноги не держали ее, кожа до сих пор горела в тех местах, где ее касался Ричи. «Мне нужно бежать от него, он опасен!» – одна мысль билась у нее в голове, горячая кровь стучала в виски и звенела в ушах. Впервые девушка подумала, что ее детская влюбленность в красивого артиста переросла в нечто большее. Сердце ее чуть не остановилось, когда она поняла, что любит Ричарда со страстью, грозящей погубить не только ее целомудрие, но и саму жизнь. Она чувствовала, что сделает все, чтобы доставить ему удовольствие. Если он ее попросит, она с радостью прыгнет в огонь. Руки ее дрожали, чай расплескался, она не на шутку испугалась за свою жизнь. Неужели она любит убийцу? Саманта задумалась.

Прошло уже два месяца с тех пор, как Голливуд смаковал ужасную трагедию – Лайза-Энн, почти невеста Сарандона, была жестоко убита вблизи его ранчо, на берегу Солт-Ривер. Ее шея перекушена, позвоночник сломан мощным ударом, тело изуродованно когтями, но Ричарду обвинение в убийстве по неосторожности предъявлено не было. Он не держал хищников на своем ранчо. Даже сторожевых псов у него не было. Шериф с помощниками прочесал оба берега реки, но зверя, убившего Лайзу-Энн, так и не нашли. Вся Америка сочувствовала своему кумиру и наблюдала по телевизорам церемонию похорон.

Почему же Пегги назвала Ричарда убийцей? Одиннадцать месяцев назад он потерял еще одну девушку – Дайяну Мэриленд. Она была его партнершей на съемках фильма «SMS из ада» про полицию Лос-Анджелеса. Крутой боевик, где наркотики, любовь и насилие держали зрителей в напряжении до самого непредсказуемого конца. Фильм был представлен на «Оскар» сразу по нескольким номинациям, но из-за громкого скандала – смерти главной актрисы – только композитор получил золотую статуэтку. Трагедия случилась, когда Ричи привез на ранчо нескольких друзей отдохнуть после напряженных съемок. Они пили и веселились всю ночь, а утром обезображенное тело Дайяны было найдено на берегу Солт-Ривер. Ее голова была свернута, шея перекушена, а тело разодрано когтями. Шериф, его помощники и сам безутешный Сарандон три дня прочесывали заросли по берегам Солт-Ривер. Но зверь-людоед так и остался безнаказанным.

Саманта вздрогнула, мысленно перебирая газетные сообщения о двух трагедиях, лишивших Сарандона сердечных друзей – он собирался объявить о помолвке с Лайзой-Энн, а его связь с Дайяной Мэриленд продолжалась около полугода. Саманта напрягала усталый мозг, но не могла вспомнить все подробности. Дома, в городе Портленд штата Мэн, у нее собрано большое досье на Ричарда, но сюда, в Аризону, она захватила только его маленькую фотографию-календарь в своем еженедельнике. Ричи был снят совсем молодым, верхом на гнедом скакуне, обнаженным по пояс. Лоснящаяся шерсть гнедого красавца выгодно оттеняла сияющую юношескую красоту молодого Сарандона. Он был весь золотой – его кудри и глаза сияли под солнцем Аризоны, горе еще не поселилось в них – тогда была жива вся его семья, родители и старший брат, и он делал первые шаги в кинокарьере.

Саманта зябло поежилась, но холод, поселившийся в душе, не исчез. Кто же такой Ричард, ее любимый – жертва трагических обстоятельств или убийца настолько умный, чтобы не оставлять следов своих злодеяний? Девушка решила съездить в Финикс и зайти в библиотеку, чтобы освежить в памяти газетные отчеты о трагедиях в жизни Сарандона. Пусть она влюблена, но она не дура и не покорная жертва, чтобы идти на заклятие с закрытыми глазами.

– Мисс Гловер, перерыв кончился, – постучал в дверь трейлера помощник режиссера.

– Уже иду, – отозвалась она, взглянула на себя в зеркало и осталась недовольна – ее губы припухли, а глаза горят мрачной решимостью.

На съемочной площадке уже горел костер, походная постель развернута, булькает кофейник – ковбой остановился на привал. Гримерша слегка припудрила лицо Саманты, костюмерша сняла с нее полотенце, и дрожащая девушка оказалась в футе от обнаженного Ричи.

– Давайте, дети мои, так же слажено, как и в прошлый раз, – прочувствованно сказал Льюк и махнул рукой. Щелкнула хлопушка, и Ричи протянул к Саманте руки, завораживая ее сиянием янтарных глаз. Она пыталась сказать себе, что не для нее сейчас сияют его глаза, не ей он улыбается своей знаменитой обольстительной улыбкой. Ноги ее подкосились, а из груди вырвался стон, когда он поднял ее на руки. Она обхватила его шею и внезапно поняла, что именно здесь ее настоящее место, в его руках, в его объятиях. Это открытие так потрясло девушку, что непрошенные слезы покатались по ее нежным щекам.

– Не плачь, смоешь грим, – насмешливо шепнул ей Ричи, но стер ее слезы своими губами. Она вскрикнула, когда партнер опустил ее спиной на походную постель. Ричи почувствовал угрызения совести, хотя всегда мог отделить личное от профессионального и попытался закончить сцену поскорее. Он был достаточно опытен для этого. Сцена должна получиться эффектной, но довольно скромной – льняная юбка все еще оставалась на Саманте, играющей чопорную хозяйку восточных штатов, которую судьба свела с лихим ковбоем.

Закончив играть, Ричи быстро поднялся на ноги и прикрылся купальной простыней, чтобы еще больше не смущать партнершу. «Честный человек после этого просто обязан жениться», – невесело подумал он, направляясь к трейлеру, чтобы наконец-то надеть джинсы.

Саманта встала, вся дрожа. Ричи не смутил ее больше, чем это было необходимо. Пока его руки скользили по ее телу, она машинально подчинялась всем его командам, отдаваемым шепотом или нажатием ладони. Мыслями она была далеко отсюда – на побережье родного залива, слушала грохот прибоя и пронзительные крики чаек. Ричи все сделал быстро и профессионально. Имитация любовного слияния выглядела великолепно. Сейчас, глядя, как партнер быстро уходит со съемочной площадки, Саманта искренне помолилась, чтобы он так же ушел из ее жизни, навсегда оставил ее в покое. Но этого так просто не добиться, надо очень постараться. Саманта твердо решила, что приложит все усилия, чтобы оградить свою свободу и жизнь от опасного влечения к Сарандону.

– Я доволен вами, мисс Гловер, – сказал Льюк, вставая со своего кресла. – У вас неплохо получается.

– Мне нужно съездить в Финикс! – выпалила девушка вместо благодарности за похвалу мэтра киноискусства.

– Но съемки только начались, – улыбаясь, сказал Льюк.

– Я не задержусь там долго, – тихо, но властно произнесла Саманта.

– А что вы собираетесь там делать? – поинтересовался режиссер.

– Это вопрос жизни и смерти! – горячо сказала Саманта.

– А все-таки? – настаивал Льюк, хотя глаза его смеялись от удовольствия. Девочка оказалась очень восприимчивой к обучению, которое шло прямо в процессе работы над главной ролью. Ее агент не обманул его. Она далеко пойдет.

– Мне нужно попасть в библиотеку, – ответила Саманта ровным голосом, хотя в ее глазах вспыхнули непокорные синие огоньки.

– Зачем? – продолжал расспрашивать Льюк.

– Хочу получить информацию по интересующему меня вопросу, – спокойно ответила Саманта. – Когда я могу съездить в Финикс?

– Завтра днем, – ответил Льюк и быстро добавил: – Если утром вы хорошо поработаете!

– Я постараюсь, – серьезно произнесла Саманта и побежала к своему трейлеру. Ей предстояла бессонная ночь. Девушка не могла успокоиться, хоть и уверяла себя, что завтра получит ответ на все свои вопросы. Ее била нервная дрожь, смутное предчувствие чего-то ужасного леденило кровь.

Надев джинсы, Ричи почувствовал, что снова принадлежит себе. Ему хотелось скорее оказаться дома и окунуться в прохладу бассейна. Может быть, тогда он выкинет из головы воспоминания о хрупком податливом теле мисс Гловер, ее нежной коже и внезапных слезах в тот момент, когда он подхватил ее на руки. Слезы оказались солеными, он помнит их вкус. Удивляясь своей чувствительности, Ричи прыгнул в седло мотоцикла и помчался домой. Родное ранчо манило его. Солнце зашло, бархатная ночь окутала землю, только на западе светилась последняя полоска заката. Ричи уже видел гостеприимно распахнутые для него ворота родного дома, как вдруг острая боль пронзила его внутренности. Он резко развернул мотоцикл и выжал из него максимальную скорость, чтобы вернуться к Саманте. Внутренний голос кричал и плакал, сообщая, что она в опасности. Однажды Ричи его не послушал, и случилось несчастье – погибла Дайяна. С Самантой он не повторит своей глупости.

Ричи припарковал мотоцикл и, не снимая шлема, побежал к трейлеру мисс Гловер. Нетерпеливо постучав, он уже хотел выломать дверь, когда она распахнулась. На пороге стояла Саманта в джинсах, белом пушистом свитере и смотрела на него широко распахнутыми от удивления невинными глазами.

– Мистер Сарандон? – удивленно произнесла она тоном благовоспитанной девицы-янки.

– После сегодняшнего, крошка, можешь называть меня просто Ричи, – усмехнулся он в ответ, довольный, что видит ее живой и невредимой.

– Я ценю вашу учтивость, – холодно сказала она, – и...

– Куда это вы собрались, леди? – протянул Ричи самым гнусным ковбойским голосом.

– Не ваше дело, любезный сэр, – холодно ответила Саманта.

– Мы почти женаты с сегодняшнего дня, – радостно улыбаясь, сказал Ричи, мысленно кляня себя за то, что несет такую чепуху.

– Вы последний человек на свете, за которого я бы вышла замуж, – сообщила ему девушка и сделала шаг вперед:

– Позвольте пройти!

– Не позволю, моя радость, пока не скажешь, куда идешь, – протянул Ричи, не двигаясь с места.

– Это вас не касается! – отчаянно вскрикнула Саманта.

– Очень даже касается, мы не чужие друг другу с сегодняшнего дня, – молодой человек качался на каблуках ковбойских сапог, засунув большие пальцы за пояс джинсов. Всклипнув от злости, девушка толкнула его в грудь обеими руками, но он гибко увернулся и устоял на ногах.

– Наглый надменный тип! – вскрикнула она. Ей хотелось визжать и орать от злости на самодовольного болвана, который осмелился приказывать ей.

– Слушай меня, бэби, и очень внимательно, – снова раздался его бархатный хрипловатый голос, завораживающий помимо ее воли. Саманта, тряхнув головой, прислушалась к его словам:

– Ты останешься здесь и никуда не пойдешь!

– Почему? – протестующе вскинулась она.

– Я так говорю! – ответил он и, подняв очки на лоб, прожег девушку яростным золотистым взглядом.

– Да что случилось? – заорала она вне себя от злости.

– Опасно выходить из дома ночью, здесь дикие места, – ответил он.

– О, и только, – тихо вздохнула она. – А я подумала...

– Сиди дома, детка, и береги свои прелести. Они очень аппетитные, – и он обвел ее оценивающим взглядом с головы до ног. Саманта вздрогнула не только от его грубых слов, но и от голодного взгляда. Внезапный страх пронзил ее внутренности, она застыла, не в силах шевельнуться. «А вдруг он маньяк? Насколько он опасен?» – такие мысли пронесли в ее внезапно закружившейся голове.

– Сиди дома, – повторил Сарандон, мягко подталкивая девушку внутрь фургона.

– А если я не хочу! – упрямо выдохнула Саманта.

– Я займусь с тобой любовью сейчас, прямо на полу, ты разожгла сегодня мой аппетит, – хрипло ответил он, сверкая золотыми глазами.

Саманта взвизгнула, отпрыгнула в фургон, захлопнула дверь и повернула все замки. Ее трясло крупной дрожью, она сознавала, что избежала сейчас большой опасности. «О каком аппетите он говорил?» – думала она, не в силах забыть голодное выражение янтарных глаз Ричи.

Сарандон закрыл глаза и привалился плечом к стене трейлера. Стычка с Самантой позабавила его – в этой восемнадцатилетней девушке с востока обнаружился и характер, и взрывной темперамент. Но, несмотря на это, ему удалось вбить немного осторожности в ее хорошенькую головку. Она хотела прогуляться ночью по зарослям! Ричи открыл глаза и осмотрелся. Зрение у него всегда было отличное, и он увидел, что заросли на берегу Солт-Ривер качнулись, хотя ночью ветра не было. Ричи знал, что ему делать. Со вздохом опустил он на ступеньку у двери Саманты – пусть только еще попробует выйти прогуляться, маленькая дурочка!

Саманта металась по фургону, чуть не плача от злости и отчаяния. Она злилась и на себя, и на Ричарда. Он позволил называть его просто Ричи. Он оскорбил ее, но не сделал последнего шага. Почему он отступил? Он не хочет ее? Саманта расстроилась и чуть не заплакала от того, что она такая бесхарактерная. Она вдруг поняла, что больше всего ее злит то, что Ричи отступил. «Я займусь любовью с тобой прямо на полу!» – опять зазвучал в ее мозгу бархатный обольстительный голос. «Наверное, это будет чудесно!» – обреченно подумала Саманта и дрожащими руками начала поворачивать замки, чтобы открыть дверь и упасть в объятия любимого. Она не сомневалась, что он остался под ее дверью, но вот чего она не ожидала, так это внезапно раздавшегося хриплого страшного рычания. Девушка тоненько вскрикнула, замкнула все запоры и отошла от двери. Она, не раздеваясь, упала на кровать и закуталась в одеяло. Стуча зубами – от холода? от страха? – она сама себя не понимала – Саманта начала ждать, когда же наступит рассвет и прогонит все ночные страхи.

Ричи тихо, гнусно хихикал под дверью. Он знал, что испугал девушку, прикрыв рот ладонью – зарычал. Поделом ей, пусть сидит взаперти, и тогда ее голубые невинные глаза не будут мучить его обещанием тихого счастья, надеждой на мирную жизнь. С завтрашнего дня он проследит за каждым шагом мисс Гловер. Придется ему опять носить свой кольт. В пустынных землях Аризоны это вопрос жизни и смерти, и он не допустит, чтобы что-то плохое стряслось с Самантой. Ему бы не хотелось оплакивать свою третью любовь. Любовь? Ричи задумался о том, сколько девушек любил в своей беспутной жизни, но почему-то они никак не хотели стройной шеренгой пройти перед его мысленным взором. Он мог думать только о том, как прелестна была Саманта, когда злилась на него и толкала руками в грудь. Ее решительный ответ: «Вы последний человек на свете, за которого я бы вышла замуж!» – только позабавил его. Какая женщина долго сопротивлялась его желаниям? Он не мог вспомнить.

Саманта вздрогнула и проснулась. Ласковое утреннее солнце заливало ее постель, и девушка улыбнулась. Какими нелепыми казались сейчас ее ночные страхи. Сарандон – маньяк? Как глупо! Он вел себя отвратительно, но по-настоящему не сделал ей ничего плохого, только предупредил, чтобы она не выходила ночью. Девушка спрыгнула с постели, отомкнула замки и вышла из трейлера, жадно вдыхая свежий утренний воздух. Группа уже собиралась. Для режиссера ставили раскладной стул. И вот мистер Бассин идет, приветствуя всех.

– Мисс Гловер, вы еще не готовы? – спросил он, приподняв бровь.

– И я еще не завтракала, – любезно сообщила она, возвращаясь в свой трейлер. Пока ее готовили к съемке, она пила кофе, а потом вместе со всеми наблюдала за массовой сценой. Ковбой Ричи громил салун в приграничном с Мексикой городишке. Саманта помимо своей воли следила за каждым движением его гибкого тела, и у нее холодело в животе от его совершенства. Она злилась на себя, что не может восхищаться им только как произведением искусства, поэтому сцену, когда героиня убегает от своего соблазнителя, она сыграла так выразительно, что режиссер удовлетворился одним дублем. После съемки она прошла мимо Сарандона, старательно не глядя на него, но обернулась, как только раздался его тягучий бархатный голос:

– Эй, Сэмми, прокатимся в Финикс? – осведомился он, как всегда покачиваясь на каблуках и сопровождая свои слова гнусной ухмылкой.

«О, почему он так красив и притягателен?» – мысленно простонала Саманта и чопорно ответила:

– Благодарю вас, мистер Сарандон, я съезжу туда на машине студии.

– Ричи, детка, – процедил он ей в спину, и Саманта влетела в свой трейлер в восторге от того, что обращение «мистер Сарандон» приводит его в бешенство. Быстро переодевшись – джинсы, рубашка – она взяла сумочку, темные очки и пошла к стоянке машин. Садясь в студийный джип, она заметила, что Сарандон прыгнул на свой мотоцикл. Плавное заведение машины, она выехала на дорогу, ведущую в Финикс, и, резко увеличив скорость, понеслась в город. В зеркале заднего вида она увидела, что Ричи едет за ней, даже не надев шлем, и все еще в замшевом костюме, в котором был на съемках.

– Что же ему нужно? – простонала Саманта, наблюдая за своим преследователем. Он держал постоянную дистанцию, не пытаясь догнать девушку, и она немного успокоилась. Въехав в город, она сбросила скорость, а в центре остановилась у здания муниципальной библиотеки на платной стоянке. Заперев машину, она нервно огляделась, но безбашенный Сарандон исчез. Взлетев по ступенькам, Саманта вошла в прекрасно оборудованное светлое помещение. Сотрудники библиотеки были вежливы, внимательны, и вскоре Саманта сидела за отдельным компьютером и набирала название сайта «Сарандоны». И тут же на голубом экране засветилась информация: крупно – предок Ричи Белый Орел, ацтек, жрец, щит с его тотемом, его предполагаемый портрет. А потом развернулось родословное древо прославленного семейства. Город Финикс гордился своими земляками, и в компьютер была заложена вся информация о семье Сарандонов – их родственные связи, портреты предков, план и фотографии их родового гнезда. Саманта прочувствовала сердцем, как Ричи должен любить свое ранчо, когда рассмотрела его сверху, а потом, благодаря чудесам техники двадцатого века, прошла, минуя ворота, через патио к бассейну. Внимание Саманты привлекло изображение старшего брата Ричи, Альваро. Братья были похожи как близнецы. Альваро исполнилось двадцать лет, когда он погиб с обоими родителями в автокатастрофе. Ричи тогда было восемнадцать, столько же, как ей сейчас. Девушка смахнула непрошенные слезы. Ей стало очень жалко обоих братьев.

Саманта шмыгнула носом и ввела название нового файла: «Ричард Сарандон». Ее захлестнул поток информации. Жизнь Ричарда можно было проследить не только по годам, но и, буквально, по дням: школа в Финиксе, занятия верховой ездой, университет в столице штата, роли в студенческом театре, первые киноработы. А потом – фильмография, газетные и журнальные публикации и, наконец, трагедия, произошедшая с Дайяной Мэриленд около

года назад. Саманта замедлила мелькание газетных заголовков и перечитала все статьи. Когда она закончила, у нее рябило в глазах, но вздох облегчения вырвался из груди – Ричи никак нельзя заподозрить в убийстве – он все время был на глазах друзей, отказывался уединиться с Дайяной. Даже не он первый нашел ее растерзанное тело. Его нашел дон Рамон Лопес, родственник Ричарда. Коронер не стал предъявлять обвинение ни Лопесу, ни Сарандону. Саманта облегченно вздохнула, закрыла глаза руками и откинулась в кресле. Тотчас же под сомкнутыми веками она увидела лицо Ричи, но только улыбнулась – больше он никогда не сможет напугать ее. С этого момента она не верит, что он убийца или маньяк. Осталось только перечитать материалы о гибели Лайзы-Энн. Но внутренний голос все громче шептал Саманте, что Ричи не виновен в гибели обеих женщин. Со вздохом девушка вывела на экран материалы о Лайзе-Энн: она прилетела вместе с Сарандоном, он хотел показать ей ранчо. Они собирались провести здесь несколько дней, а потом вернуться в Голливуд и объявить о своей помолвке. Саманта задержала на экране последнюю фотографию, сделанную в аэропорту Финикса. Ричи и Лайза-Энн стояли, обнявшись, на фоне голубого неба. Легкий ветерок раздувал длинные черные волосы прекрасной топ-модели, ее макушка доставала до глаз Ричи. Прекрасная пара излучала счастье разделенной любви.

Саманта завистливо вздохнула – Сарандону нравились высокие брюнетки. Рядом с ними он сиял как золотой бог. Девушка печально подумала, что совсем не годится в героини его романа. Ростом не вышла, волосы у нее светлые, как солома, глаза голубые, и нет в них никакой экзотики – совершенно нормальный разрез. Хоть бы были немного оттянуты к вискам, так нет же – совершенно обыкновенные. Саманта заставила себя читать дальше, всхлипывая от жалости к бедняжке Лайзе-Энн. Подумать только, она вышла на рассвете погулять по берегу реки и встретила свою смерть! Управляющий ранчо дон Рамон нашел ее обезображенное тело и позвал молодого хозяина. Неудивительно, что после этого Ричард стал таким... взрывным и дерганным. Чтобы пережить трагедию и не свихнуться, нужны очень крепкие нервы. Спасибо ему, что он не пустил ее ночью на берег реки.

Саманта вскрикнула и затряслась от запоздало нахлынувшего ужаса. Вела она себя, как последняя дура – собиралась ночью на одинокую прогулку и еще злилась на Ричи за то, что он не пустил ее. Господи, какой же идиоткой она предстала перед местным жителем Сарандоном! Вдруг бы страшный зверь напал на нее и разорвал в клочья как бедняжек Дайяну и Лайзу-Энн. Может быть, Ричи вчера спас ей жизнь. Девушка всхлипнула, достала из сумочки пакетик бумажных носовых платков и вытерла глаза. Несколько минут она сидела неподвижно, радуясь, что избежала встречи с таинственным ночным зверем. Слезы высохли. Она убрала носовые платки, вышла из программы и встала из-за стола. Девушка совершенно успокоилась – Сарандон не убийца, напротив, он заботится о ней, не позволил совершить глупость.

Саманта вышла из библиотеки, улыбаясь. Конечно, тон, которым разговаривал с ней Ричи, был ужасным, высокомерным, насмешливым, но это можно пережить. А его очень злит, когда она разговаривает с ним холодно и вежливо. Девушка, улыбаясь, спустилась по ступенькам библиотеки, настроение у нее стало гораздо лучше, чем до визита сюда. Она посмотрела по сторонам в надежде, что Ричи ждет ее и проводит обратно, но не увидела знакомую фигуру на мотоцикле. Разочарованная Саманта пошарила в сумочке, нашла ключ и открыла дверцу машины, но сесть за руль не успела.

– Привет, – раздался женский голос, и, обернувшись, девушка узнала Пегги, несчастную костюмершу, вынужденную уйти из съемочной группы из-за ссоры с Сарандоном.

– Пегги, что вы тут делаете? – спросила Саманта.

– Я думала, что вы уже улетели в Лос-Анджелес!

– Нет, я жду рейса «Красные глаза», – ответила костюмерша.

– А почему вы не уехали вчера? – поинтересовалась Саманта.

– Я проплакала в отеле всю ночь, – сказала Пегги. – Как невоспитан и груб этот Сарандон. Думает, что ему все можно, и все оскорбления сойдут с рук.

– Не надо поддаваться на его грубость, надо было обратить все в шутку. Мистер Сарандон слишком джентльмен, чтобы продолжать ссору, – произнесла Саманта с безмятежной уверенностью своих полных восемнадцати лет.

– Странно, что вы так его защищаете, – процедила Пегги.

Саманта снизу вверх посмотрела на высокую пышногрудую ирландку (как раз тот тип, который нравится Ричи) и холодно отрезала:

– Вы не имеете никакого права называть его убийцей. Он может обратиться в суд, и будет прав. Полиция не смогла выдвинуть никакого обвинения против мистера Сарандона.

– Да вы влюбились в него, милочка, – ахнула Пегги и добавила:

– Что ж, я знаю то, что знаю, а вы скоро лишитесь всех своих иллюзий!

– Счастливого пути, – буркнула Саманта, садясь в машину.

Девушка кипела от злости, настроение было опять испорчено, она выехала из Финикса очень расстроенная. Какое право имела Пегги называть мистера Сарандона убийцей? Никакого! Если только... и Саманта увеличила скорость, пытаясь заглушить боль в сердце. Если только Пегги не была его брошенной любовницей и стремилась отомстить за разрыв. «Ну, уж это я обязательно узнаю, – мысленно бушевала Саманта. – Если надо, спрошу самого Ричи, обязательно с ним поговорю».

До съемочной площадки мисс Гловер добралась в рекордно короткое время, припарковала джип и быстрым шагом отправилась искать Ричи. Ей показалось, что дверь его трейлера приоткрыта. Она одним прыжком подскочила к фургону и распахнула дверь без стука. Сарандон готовился к следующей сцене. Безутешный соблазнитель бросается в погоню за сбежавшей возлюбленной. Он так торопится, что пускается в путь, даже не одев рубашку. Ричи в одних замшевых штанах стоял в фургоне, а девушки старательно растрепывали ему пышные золотистые волосы и припудривали светлой пудрой его веки – герой должен быть заспанным, прямо из постели. Увидев Саманту, он лениво приподнял одну золотистую бровь, ничем не выдавая радости от ее возвращения, хотя его колени ослабели. Саманта хотела что-то сказать и замерла, жадно хватая воздух открытым ртом – полуобнаженный Ричи прекрасен, и она не могла отвести глаза, жадно блуждающие по его совершенному телу.

– Удачная была поездка? – через пять минут осведомился он ленивым бархатным голосом.

Саманта видела, что его губы шевелятся, но ничего не могла сказать. Уши ее словно заложило, она не понимала даже простых слов, оглушенная неземной красотой Сарандона. «Я люблю его», – отчаянно подумала она и задохнулась, не зная, что делать с этим открытием. Вся ее жизнь перевернулась, когда пламя запретной любви обожгло ее душу. Девушка отвернулась и помчалась, не разбирая дороги. Ей было все равно, рассвет сейчас или закат, ночь или день, бежит она к берегу проклятой реки или убегает от своей любви. Ей все равно, какие опасности ей грозят – впереди страшный зверь, а сзади – бессердечный возлюбленный. Зверь уничтожит ее тело, а Ричи – душу. Ему достаточно будет посмотреть на нее янтарными глазами, и она сама отдастся ему. Саманта неслась как безумная, не замечая дороги. Она добежала до берега реки, ворвалась в заросли тростника и тяжело рухнула, споткнувшись о камень. Воздух вышел из легких болезненным толчком, потемнело в глазах, она услышала мягкие прыжки, и тут же большие горячие руки легли на ее плечи.

– Лежи, не вставай, маленькая дурочка, – раздался над ее ухом вкрадчивый шепот. – У тебя что-нибудь болит?

«Сердце», – хотела ответить Саманта, но задохнулась, позволив мужским ладоням скользить по ее плечам и спине в поисках повреждений. Его прикосновения были мягкими, нежными. Она знала, что нужно вырваться и скинуть с себя его руки, но не могла. Гораздо легче

считать его маньяком и убийцей – тогда у нее было бы законное основание сопротивляться его колдовскому обаянию. А сейчас руки Ричи гладили хрупкую девичью спину, и девушка трепетала от удовольствия.

– Теперь можешь встать, сердце мое, – мурлыкнул Ричи, поднимая девушку. Она послушно попыталась встать на дрожащие ноги, но не сумела и рухнула на колени. Испуганный Сарандон склонился над ней:

– В чем дело?

Она, молча, покачала головой и медленно подняла к нему лицо. Закатные тени скользили по нему, и Ричи на мгновение показалось, что девушка смертельно бледна. Он опустился на одно колено, протянул руку и нежно коснулся ее бархатистой щеки. Она вздрогнула, а глаза, казалось, стали еще больше. Ричи очень осторожно придержал подбородок девушки, нагнулся, коснулся ее губ нежным поцелуем и уже не смог остановиться – ее теплые губы раскрылись, а глаза зажмурились. Зная, что совершает святотатство, Ричи прижал девушку к себе. Она покорно прильнула, отдаваясь его власти. Но Сарандон не мог воспользоваться ее доверием, сознавая, что она слишком хороша и невинна для него. Из груди его вырвался стон, и он осторожно отстранил Саманту. Ее глаза распахнулись, затуманенные наслаждением, ждущие продолжения. Его лицо расплывалось перед ней, Саманта сморгнула, и ей показалось в предвечерних сумерках, что зрачки глаз Ричи вдруг вытянулись во всю радужку. Девушка задрожала, на ее ресницах повисли слезы, она со страхом взглянула на возлюбленного. Ее опасения оказались напрасны – он склонился над ней, глаза его горели теплым янтарным блеском, но зрачки оказались нормального размера. Жаркими губами он вытер слезы и помог встать совершенно растерянной девушке.

– Никогда не убегай так, дорогая, – шепнул он, обжигая горячим дыханием нежное ушко. Саманта поняла, что продолжения не будет. По какой-то причине Ричард не хочет ее. Она выдернула руку из его теплой ладони, тряхнула волосами и гордо, не оглядываясь, пошла впереди него на съемочную площадку. Сердце ее разрывалось от горя, глаза стали влажными от слез, но спину она держала прямо. Ричи шел за ней, любясь точеными очертаниями девичьей фигурки. Он знал, что обидел Саманту, обуздав свое желание, но понимал, что поступил правильно. Не годится ей, юной, чистой, невинной, связывать свою судьбу с таким, как он. Поэтому Ричи отказался от нее. Не познав его любви, она будет меньше страдать. Но глазам своим он мог дать волю, и они скользили по телу девушки, лаская ее.

Легкий ветерок шелестел зарослями тростника, и внезапно Саманте показалось, что какая-то тень мелькнула в зарослях. Она всмотрелась внимательнее и увидела, как крупное животное песочного цвета, изгибаясь на бегу, скользнуло в тростники. Девушка вздрогнула и подпрыгнула на месте от вопля Ричи:

– Беги!

Она хотела спросить, в чем дело, но ноги ее послушались приказа раньше смятенного мозга. Саманта еще в мыслях спорила и спрашивала, что случилось, а ноги быстро задвигались, унося девушку от опасности. Только раз она оглянулась. Ричи развернулся спиной к тропинке, лицом к зарослям. Он напряг мускулы, вытащил нож и медленно отступал от колышущегося тростника, а Саманта с воплем ужаса бежала к людям. Задышавшись, она влетела в пространство между фургонами и закричала:

– Ричи! Ему грозит опасность!

Ее окружили взволнованные люди, а она продолжала кричать:

– Зверь, людоед! Он там! Я видела его в зарослях тростника!

– Ничего там нет, – раздался за ее спиной бархатный голос Сарандона.

Саманта повернулась к нему, как ужаленная:

– Как нет? Я видела его!

Ричи смеялся одними глазами:

– Ты ничего не могла видеть!

– Но как же... справа от меня колыхнулись тростники, и животное... – лепетала девушка.

– Это ветер, просто ветер качнул тростники, – сказал Сарандон.

– Но почему ты крикнул мне: «Беги»? – настаивала Саманта.

– Боялся, что ты упадешь в обморок от страха, – усмехнулся он. – Для одного дня достаточно потрясений.

Саманта залилась краской от мысли, что все окружающие видят в ней недалекую, истеричную глупышку, испугавшуюся колышущегося тростника. Действительно, положение – хуже не придумаешь!

– Спокойной ночи всем, – самым ровным голосом, какой могла изобразить, сказала Саманта и пошла к своему трейлеру-раздевалке. Ее ноги дрожали от переживаний и безумного бега, но держалась она на удивление прямо. Ричи проводил девушку долгим взглядом, восхитился ее несгибаемым характером и одними губами шепнул ей вслед: «Спи спокойно, любовь моя!»

Медленно, неохотно вернулся он на съемочную площадку. Солнце уже почти зашло, значит, на пленке ранний вечер спокойно превратится в раннее утро. Льюк встретил свою звезду упреками, но под ледяным взглядом Ричи быстро смешался.

– Прости, Льюк, – процедил Ричи. – Я был занят.

– Иди в кадр, попробуем хоть что-то спасти! – попросил режиссер.

Ричи был явно в ударе и прекрасно сыграл сцену пробуждения ковбоя в одиночестве. Его возлюбленная пропала. Страх и отчаяние сменялись на лице Сарандона. Режиссер остался доволен, и Ричи почти сразу же смог уехать домой. Он быстро переоделся, вскочил на мотоцикл и понесся к дому. Его мозг лихорадочно работал. Саманта сегодня подверглась опасности, и произошло это по его вине. Артист притормозил, въезжая в ворота родного ранчо. Голова его распухла от горьких мыслей. Он оставил мотоцикл и пошел к бассейну, на ходу снимая одежду и небрежно роняя ее на мраморные плиты патио. У бассейна уже стоял накрытый стол, Рамон и Хулита вышли встречать своего воспитанника.

– Рикардо, мой мальчик, почему ты не приехал вчера? – кинулась к нему побледневшая донна Хулия.

– Съёмки шли всю ночь, – пробормотал Ричи.

– Ты мог бы позвонить, мы волновались за тебя, – произнес Рамон, внимательно разглядывая молодого хозяина ранчо. Признаки приближающегося несчастья наполнили душу верного старика ледящим ужасом. Ричи только передернул плечами и взялся за молнию джинсов. Хулита ушла в дом, а Рамон повесил на стул пушистую купальную простыню. Голый Ричи с блаженным воплем прыгнул в бассейн, вода охладила его разгоряченное тело, и, пока он несколько раз переплывал бассейн, горькие мысли не мучили его. Наконец он вынырнул, шумно отфыркиваясь, и вылез из воды. Рамон бросил ему купальную простыню. Ричи небрежно обернул ее вокруг бедер и опустился в плетеное кресло. Свет горящей на столе в серебряном подсвечнике длинной свечи рассеивался хрустальным колпаком и алмазными бликами ложился на лицо Ричи, капельки воды бриллиантовыми искрами блестели в золотистых колечках волос на его широкой груди. Он выглядел вызывающе, трагически красивым – воплощенная мечта молодой невинной девушки. Рамон с болью в сердце наблюдал за своим воспитанником. Свет растущей луны все ближе подбирался к его босым ногам, и Рамон трепетал от предчувствия приближающегося несчастья.

– Поешь, мой мальчик, ты, наверное, проголодался, – ровным голосом сказал он, ничем не выдавая своих чувств. Ричи протянул руку к серебряной крышке блюда, стоящего на маленькой спиртовке, но, обжегшись, отдернул руку.

– Горячо? – удивился Рамон, снял крышку и наполнил тарелку Ричи тушеной с овощами олениной. Хулите всегда удавалось это блюдо. И хлеб она пекла замечательный. Ричи взял нож,

вилку с золотыми рукоятками и приступил к еде. Он не мог вспомнить, когда ел последний раз – все мысли его были заняты Самантой. Надо как-то уберечь ее от беды. Ричи быстро поел, не чувствуя восхитительного вкуса домашней пищи, и отодвинул тарелку.

– Выпьешь со мной вина, Рамон?

Рамон кивнул и откупорил бутылку:

– Калифорнийское, с твоих виноградников, – сказал он, разливая красное сухое вино по старинным хрустальным бокалам.

– Мой дом здесь, в Аризоне, – Ричи отпил вина и затянулся излюбленной длинной сигарой. Рамон пригубил и кивком одобрил вкус молодого вина.

Ричи отставил бокал и впериł взор в лицо старого друга и родственника.

– Рамон, ты давно обещал рассказать, как погибли мои родители и старший брат, – жестко сказал он.

– Да, старая трагедия не должна повториться, – кивнул Рамон.

– Рассказывай, – попросил Ричи, и старику показалось, что глаза его воспитанника загорелись янтарным светом. Он чуть передвинул свечу, глаза Ричи оказались в тени, и, слава Богу, больше не горели.

– Твой отец не справился с управлением, его автомобиль вылетел с дороги и рухнул в Солт-Ривер, все погибли, – тихо сказал Рамон и продолжал: – Я сам осматривал место, где автомобиль соскользнул с дороги. На том крутом повороте вся земля была истоптана...

– Кем? – Ричи начал медленно подниматься из-за стола.

– Это были следы огромных кошачьих лап, – печально ответил Рамон.

– Что тебе известно? – быстро спросил молодой Сарандон.

– Все, – неохотно произнес Рамон. – Твой предок, ацтек, наложил проклятие на своего внука и всех его потомков.

– Что это за проклятие? – побледнев, прошептал Ричи.

– Заклятье короткой жизни и страшной смерти, – сказал старик.

– Вспомни, никто в твоём роду не жил долго!

– А как же мой прадед дон Серхио? – удивился Ричи.

– Он прожил долго.

– А какая у него была жизнь? – вопросом на вопрос ответил Рамон. – Он схоронил всю свою семью.

– Но почему это проклятие на него самого не подействовало? – удивлено переспросил молодой Сарандон.

– Он боролся, – с уважением к несгибаемому старику ответил Рамон Лопес.

– Как? – выкрикнул молодой человек. – Это не праздное любопытство, а вопрос жизни и смерти!

– Дон Серхио любил свою супругу и не расставался с кольцом. Он понял, что надо убить чудовище, преследующее ваш род. Твой предок-жрец вызвал его из царства теней, надо загнать его обратно или уничтожить, – ответил Рамон. – Старик Серхио не давал отдыха ни себе, ни зверю, никогда не имел любовниц и палил по тростникам всякий раз, как выезжал с ранчо.

– Какое оно, это чудовище, ты его видел? – быстро спросил Ричи.

– Видел, – кивнул Рамон.

– В тот день я выехал встречать хозяев в аэропорт Финикса, а они прилетели раньше и взяли машину напрокат. Мы увидели друг друга недалеко от ранчо, и в этот момент какое-то крупное животное испугало твоего отца, сидевшего за рулем, промчавшись перед бампером его машины. Он потерял управление, а оно скрылось в зарослях тростника.

– Как оно выглядит? – устало спросил Ричи.

– Огромная кошка, песочного цвета, – ответил Рамон.

Ричи побледнел:

- Значит, мне не померещилось, – протянул он.
- Ты его видел? – быстро спросил Рамон. Ричи кивнул:
- Сегодня, в тростниках, мы там снимали некоторые сцены, – молодой человек умолчал, что впервые в жизни вкусил поцелуй девственницы. И произошло это там же, среди шелестящих зарослей тростника.
- Тогда тебе грозит страшная опасность, сынок, – сказал Рамон.
- Я буду носить с собой кольт и стрелять в тростники, как прадедушка, – гордый воинственный Ричи не боялся никого и ничего.
- Этого мало! – покачал головой Рамон.
- Но почему? Ты думаешь, нужно ходить с ружьем? – спросил Ричи.
- Хорошо, я возьму винчестер!
- Не поможет, – веско сказал сеньор Лопес. – Какие у тебя пули?
- Сорок первый калибр, ты же знаешь!
- А нужны серебряные, – спокойно ответил старик.
- Порождение тьмы можно убить только серебром.
- Так это оборотень? – побледнев, спросил Ричи.
- Ненависть жреца вызвала к жизни это существо, – сказал Рамон.
- Может быть, это оборотень, может быть, демон суккуб.
- Ух и силен был мой пра-пра... – с ноткой восхищения присвистнул Ричи, забыв про свою сигару.
- Хорошая месть, не так ли? – криво улыбнулся Рамон.
- Суккуб совращает мужчин и убивает женщин. Все сходится, правда?
- Ричи потрясенно молчал. Растерзанные Дайяна и Лайза-Энн встали перед его внутренним взором и воззвали к отмщению. А теперь опасность нависла и над нежной Самантой. Ричи скрипнул зубами:
- Рамон, у тебя не найдется лишней серебряной пули?
- В глазах старика вспыхнул опасный огонек:
- Найдется, мой мальчик, сейчас принесу.
- Рамон легко поднялся со стула и направился в свою супружескую спальню. Дверь и окно этого помещения, увитые диким виноградом, выходили на бассейн, в котором любил купаться молодой хозяин. Оставшись один, Ричард, откинувшись на спинку кресла и подняв глаза к луне. Сияющий диск скоро должен был округлиться, и от потока холодного лунного света озноб пробрал молодого человека. Пусть его жизнь загублена, но Саманту он должен спасти! Как же это тяжело – быть рядом с ней, охранять и не сметь дотронуться. Какие муки сравнятся с этой – любить всей душой и знать, что его любовь погубит любимую девушку! Ричи застонал в бессилой ярости. Как он хотел выследить чудовище, преследующее его род, и положить конец его злодеяниям доброй серебряной пулей! Сарандон умел стрелять. И верховой езде, и искусству стрельбы научил его отец, так рано ушедший из жизни. Какой большой счет к чудовищу накопился у Ричи – смерть всех близких, всех любимых, и еще... Но об этом страшно вспоминать.
- Рамон возник бесшумно, как будто вынырнул из потока лунного света, заливавшего патио. Ричи слегка вздрогнул, но старик заметил это и усмехнулся:
- А ты стал пугливым, мой мальчик.
- Извини, я задумался, – протянул Ричи.
- И есть о чем! Вот тебе две пули, заряди одну в кольт, другую в винчестер, и пусть оружие всегда будет у тебя под рукой, даже когда ты спишь.
- Ричард молча взял пули. Они приятно холодили ладонь, но вскоре нагрелись от тепла его тела.
- Рамон, сколько пуль ты отлил? – после долгого молчания спросил Ричи.

– Пара штук у меня осталась, – ответил мексиканец голосом, не предвещавшим ничего хорошего чудовищу, для которого отлиты пули.

– Рамон, давай договоримся, – сказал молодой человек.

– Если... если этот суккуб... – и он замолчал, не в силах говорить о тайне, омрачившей его душу.

– Ты просишь меня довершить это дельце? – спросил Рамон.

– Клянусь, если ты погибнешь, я отомщу за тебя!

– Спасибо, Рамон, – ответил Ричи, устремив на округляющуюся луну немигающий взгляд, полный такой тоски, что старик содрогнулся.

– Это должно случиться скоро, – как бы в забытии сказал он, и Рамон задрожал – в голосе молодого Сарандона ему послышалась затаенная обреченность. Старик хорошо знал своего воспитанника. Если гордый Ричард просит помощи, дела его совсем плохи.

– Иди, отдохни, – сказал Рамон. – Сегодня ты в безопасности.

Ричи горько усмехнулся и, гибко, как тигр, потянувшись, вскочил с кресла.

– Не своди глаз со своей девушки, и ты спасешь ее, – напутствовал его Рамон.

– От твоих глаз ничто не укроется, мудрый мой Лопес, – произнес единственный ныне живущий Сарандон и добавил:

– С завтрашнего дня я буду ночевать в своем трейлере на съемочной площадке.

– Но один, – предупредил его старик.

– Сейчас демон будет охотиться за твоей девушкой, но не сможет причинить ей вред, если она останется девственницей.

Ричи ухмыльнулся, зубы его отразили лунный свет.

– Я не трону ее, Рамон, как бы мне этого не хотелось, – пообещал он себе и старому другу.

– Вот и славно, – протянул Рамон. – А теперь спокойной ночи.

– И тебе спокойной ночи, мой добрый друг, – ответил Сарандон.

– Так или иначе, эта грустная история окончится через неделю.

Неделя, заполненная тяжелой изматывающей работой на съемочной площадке, пронеслась быстро. Дебютантка большого кино мисс Гловер и звезда Голливуда Ричард Сарандон жили теперь в трейлерах-раздевалках, но почти не встречались вне съемочной площадки. Теперь Саманта предпочитала отсиживаться в своем трейлере. Она не хотела никого видеть, даже Сарандона. Мысли тяжелые, безрадостные, не давали ей покоя – что она будет делать, когда закончатся эти съемки. Она хотела поступать в университет и упорно шла к своей цели – изучала драматургию, играла в школьном театре, где ее заметил агент Голливуда. Приглашение на съемки фильма знаменитого режиссера показалось ей трамплином в блистательную взрослую жизнь, и она, не раздумывая, вылетела в Аризону, замирая от счастливого поворота в своей судьбе. Но как она будет жить, когда съемки закончатся, и она не сможет больше видеть Ричарда Сарандона, Саманта еще не решила. И в ее контракте об этом не было ни слова, разве что ссылка на форс-мажорные обстоятельства. А безответная любовь к таковым не относится. Кинокомпания сняла с себя ответственность за душевное спокойствие актеров. Саманта чувствовала, что видеть Ричи, просто быть рядом с ним стало для нее неутолимой потребностью. Девушка иногда забывала дышать, оглушенная и захваченная своей любовью, и ни на секунду не могла изгнать его из своих мыслей.

Действие в фильме Льюка Бассина развивалось быстро и напряженно – ковбой догнал свою возлюбленную в маленьком городке на мексиканской границе и пригласил на танцы. Масовую сцену снимали ясным аризонским вечером. Западная сторона неба полыхала пурпурным золотом, а в кадре находилась танцевальная площадка на открытом воздухе – зеленая лужайка с длинными столами. Тут же готовится барбекю, а место для танцев посыпано щебенкой – асфальта в девятнадцатом веке в техасской глубинке еще не знали. Щедрый ковбой купил возлюбленной мексиканский наряд. Саманту облачили в кружевную мантилью и белое шел-

ковое платье с оборками. Они эффектно обвивались вокруг ее стройных ног, когда она вальсировала в объятиях Ричи. Скромная жительница восточных штатов не знает танцев быстрее вальса и с недоумением наблюдает, как местные жители лихо кружатся и подпрыгивают в бешеной мексиканской пляске, занесенной с той стороны границы. Ковбой приглашает свою девушку на этот танец, она смущена, но соглашается, увидев печаль в его глазах. Вихрь быстрого танца закружил их. Ковбой поднял девушку на вытянутых руках, и для двоих время остановилось, музыка смолкла. На большом экране безмолвный поединок взглядов будет выглядеть очень красиво – чистые голубые глаза Саманты, влажные, распахнутые, и янтарные глаза Ричи, обжигающие страстью. Сердца сентиментальных зрительниц в темном зрительном зале растают от восторга. Взгляды голубых и янтарных глаз, казалось, сомкнулись навечно.

– Саманта, – хрипло выдохнул Ричи. – Саманта, *saga mia*...

– Что? – нежно спросила она, глядя на любимого сверху вниз.

– *Saga*, дорогая, любимая, – как в бреду шептал актер. Девушка в его руках сильно вздрогнула.

– Поставьте меня на землю немедленно, мистер Сарадон, – произнесла она злым шепотом.

– Милая, выходи за меня замуж, – сказал Ричи.

– Что? – пролепетала девушка. Сердце ее замерло, мир вокруг закачался. Ричи держал ее крепко на вытянутых вверх руках, значит, голова кружится у нее.

– Давай поженимся, – повторил Сарадон, и взгляд его стал умоляющим. В этот момент он не играл.

– Да-а, – выдохнула Саманта, и свет для нее померк, как будто черный фильтр перекрыл объектив кинокамеры.

Ричи подхватил обмякшую девушку и прижал к своей груди. Он бережно коснулся губами ее чистого лба и с вызовом взглянул в камеру.

– Она согласна! – гордо объявил он.

Камера стрекотала, Льюк метался в своем кресле, зажимая себе рот, чтобы не сбить неосторожным словом эмоциональную игру актеров. В этом фильме ему почти не приходилось что-либо выдумывать, указывать им. Актеры вжились в свои роли, играли их достоверно. Но что это? Они и вправду женятся?

Сарадон вынес Саманту со съемочной площадки и осторожно усадил в шезлонг. Врач подбежал почти сразу. Ричи стоял на коленях перед девушкой и грел в своих ладонях ее холодные пальцы. Врач быстро набрал шприц и поднес его к запястью девушки.

– Не надо, – остановил его Ричи. – Мисс Гловер приходит в себя.

Врач отступил на шаг. Пушистые ресницы Саманты затрепетали, веки дрогнули. Первое, что она увидела, был Ричи. Он стоял перед ней на коленях, и его обычно мрачное лицо светилось восторгом, взгляд золотых глаз ласкал ее.

– Мисс Гловер, вам уже лучше? – раздался профессионально любезный голос врача.

– Да! – сказали молодые люди в один голос и снова повернулись друг к другу. Ричи поцеловал руку любимой.

– Саманта Гловер, только что ты пообещала выйти за меня замуж.

– Правда? – нежно улыбнулась она. – Ну что ж, я согласна!

Сердце ее колотилось в бешеном ритме, но странный покой разливался в душе – неожиданно начало исполняться ее самое заветное желание.

В эту ночь спать она не могла. Ричи проводил невесту к ее трейлеру, но не посмел поцеловать на прощание.

– Спокойной ночи, любовь моя!

– Спокойной ночи, Ричи! – сказала она и захлопнула дверь трейлера. Сарадон с вызовом посмотрел на почти круглую луну и усмехнулся.

Саманта разделась, легла на кровать, но не спала ни секунды. Она тихо лежала под одеялом, а счастье, казалось, свернулось у нее на груди невесомым пушистым комочком. В голове проносились столько мыслей и образов, что она даже не пыталась в них разобраться: лица родителей, братьев – как они будут рады за нее, патио на ранчо Сарандона – скоро она войдет туда законной хозяйкой! И золотистые головки детей, прижавшихся к ее коленям. Интересно, какие глаза будут у их первенца – янтарные или голубые? Саманте хотелось, чтобы были янтарные, как у Ричи. Она в жизни не видела более прекрасных глаз. Саманта сладко вздохнула и перевернулась на бок. Ночь уже кончалась, но яркая полоска зари была почти не видна. Окно трейлера что-то загоразживало. Девушка беззвучно ахнула и села в постели, прижав ладони к замершему сердцу. В светлеющем окне виднелись очертания огромной нечеловеческой головы с круглыми ушами, сидящей на покатых плечах. Чувствуя, что сейчас умрет от ужаса, Саманта протянула руку к Библии, лежащей на столике у кровати. Мама положила ее в сумку, собирая дочь на съемки. Раскрыв на середине святую книгу, девушка поняла, что в комнате посветлело. В окне никого не было. Саманта упала на подушку, прижимая Библию к груди. Наверное, она немного поспала, потому что, когда открыла глаза, розовый радостный свет заливал комнату. Саманта бодро вскочила с постели. Наступающий день будет счастливым, несмотря на страшный сон. Она в этом не сомневалась.

Дверь трейлера распахнулась. Ричи вскочил со ступеньки лестницы и помог невесте ступить на землю.

– Любимая, здравствуй, я так скучал.

– Я тоже, – сказала она, веселая, как птичка. Предвкушение счастья растопило ее восточную чопорность, и обычно бледное лицо розовело румянцем.

– Саманта, дорогая, позволь тебе представить сеньора Рамона Лопеса, – сказал Ричи. Из плетеного кресла неторопливо поднялся пожилой мексиканец в строгом черном костюме и белой рубашке с узким галстуком. Только теперь Саманта заметила, что ее Ричи одет в такой же костюм. На фоне строгой одежды его золотистые волосы и глаза, сияли, казалось, еще ярче.

– Мистер Лопес, – вежливо произнесла Саманта, пытаясь одновременно смотреть и на Ричи, и на мексиканца.

– Рамон, мисс Саманта Гловер оказала мне честь, согласившись стать миссис Ричард Сарандон, – сказал Ричи, улыбаясь старому другу.

– Сеньорита Гловер, – торжественно сказал управляющий ранчо, снял черный стетсон, протянул руку и пожал изящные пальцы девушки с востока.

– Дорогая, дон Рамон – мой родственник, он присматривает за ранчо и сейчас согласился помочь нам организовать венчание, – сказал сияющий Ричи.

– Я рада знакомству, мистер Лопес, – девушка светло улыбнулась будущему родственнику.

– Кстати, – Ричи вынул из внутреннего кармана пиджака маленькую сафьяновую коробочку, открыл ее. Саманта ахнула – луч солнца упал на россыпь бриллиантов на золотом ободке. Радужные блики пробежали по белой рубашке и лицу Ричи. Он опустил на одно колено и надел кольцо на безымянный палец Саманты. Оно пришлось точно впору.

– Благодарю, – выдохнула она, глядя не на свой палец, а в глаза сияющему жениху.

– Посмотри, Рамон, кольцо моей матери досталось прекрасной руке, – сказал он.

– Я очень рад, что наш Рикардо наконец женится, – сказал Лопес и протянул Саманте прекрасные алые розы, перевязанные белой атласной лентой:

– Моя супруга, сеньора Хулия, рада вашему браку и посылает этот букет с нашего ранчо.

– Он прекрасен, – выдохнула Саманта, взяла розы и обратила к Ричи сияющие восторгом глаза. Он встал и обнял за талию свою невесту, она прижалась к нему, и губы их притянулись, как магнит и железо. В тростниках что-то зашуршало, кто-то взвыл. Лопес схватил винчестер,

но жених и невеста не слышали ничего, пребывая в своем идеальном мире. Пока Ричи целовал Саманту, мексиканец держал винчестер наизготовку и прикрывал пару своим телом. За его спиной раздался двойной вздох, и он опустил ружье.

– Что-то не так? – удивленная Саманта переводила взгляд с жениха на его родственника.

– Это часть нашего национального костюма, – Лопес выдавил улыбку и повесил винчестер на плечо.

– А, красивый обычай, – Саманта улыбнулась Лопесу и посмотрела на Ричи.

– Моя радость, я еду в Финикс брать особое разрешение на наш брак, – сказал он. – Принеси, пожалуйста, свой паспорт.

– Сейчас, – она упорхнула в фургон, прижимая к себе букет.

– Рикардо, будь осторожен, мой мальчик, – сурово сказал Рамон, сжимая плечо своего воспитанника.

– Ты видел его? – быстро спросил Ричи, обводя окрестности внимательным взглядом.

– Слышал в тростниках.

– Сейчас? Утром?

– Прибывающая луна дает ему силу. Ты знаешь, что полнолуние будет завтра?

– Я готов. Оно меня больше не получит, – заявил Ричи.

Рамон приподнял бровь, и в этот момент счастливая Саманта одним прыжком слетела по лестнице.

– Возьми, милый, – она протянула жениху свой паспорт.

– Я договорился с Льюком. Наше венчание будет завтра и пройдет оно в соборе Финикса.

– В столице штата? – удивилась Саманта.

– Это ближайший католический храм, и его можно подготовить к съемке, – ответил Сарандон.

– Нас будут снимать на кинокамеру? Конечно, я согласна, но почему не на видео?

– Я обещал Льюку, что это будет эпизод фильма, – слегка покраснев, сказал Ричи.

– Ну что ж, – слегка пожав плечами, сказала Саманта.

– Но я бы хотела иметь видеокассету на память. Это будет начало нашего семейного архива.

– Обещаю тебе, дорогая, – нежно сказал Ричи. – А ты не возражаешь против венчания по католическому обряду?

– Ты католик?

– Да, как и все Сарандоны.

– Скоро и я буду Сарандон. Я согласна, – сияя от счастья, произнесла Саманта.

– Ты украсишь мою фамилию, – сказал Ричи, поцеловал ее руки и тревожно спросил:

– Ты доверишь мне купить обручальные кольца в Финиксе?

– Конечно, у тебя хороший вкус, – восторженно сказала девушка. Ричи усмехнулся:

– Я сделал самый правильный выбор в своей жизни. И завтра, любовь моя, ты станешь миссис Сарандон.

Сердце Саманты замерло. Все складывалось так удачно, что дыхание перехватывало от счастья.

– Я позвоню родителям, они обрадуются за нас.

– Если они смогут прилететь на наше венчание, я оплачу им дорогу и гостиницу. Скажи, что я их приглашаю.

– Обязательно! И братьев?

– Ну, конечно.

– Сеньорита Гловер, – вступил в разговор Рамон.

– Мы с сеньорой Лопес приглашаем вас на ужин, на наше ранчо сегодня вечером.

– О! – Саманта в восторге прижала руки к груди. – Я согласна.

– Отлично, я заеду за вами, сеньорита, в восемь часов вечера.

– Мы с Рамоном сейчас едем по делам в Финикс, – сказал Ричи.

– До встречи на ранчо, любовь моя.

– До свиданья, милый, скорее возвращайся ко мне, – ответила девушка. Ноги ее дрожали и подгибались от счастья разделенной любви. Она шагнула к Ричи и сама легко поцеловала его в губы. Он мурлыкнул от неожиданной ласки, потерся лбом об ее лоб, поцеловал в щеку и отступил на шаг.

– До вечера, моя радость!

Мужчины ушли, Саманта помахала им вслед и вернулась в свой трейлер. Любимый ушел, и яркое аризонское утро померкло для нее. Она опустилась на кровать и застыла. Но прибежали гримерша и костюмерша, поздравили с помолвкой, восхитились кольцом, принесли горячий кофе, булочки, костюм для эпизода из начала фильма. Героиня, учительница с востока, едет на запад учить грамоте детей ковбоев и золотоискателей. Она, в наглухо застегнутом темном платье и скромной шляпке, садится у окна дилижанса. Какое будущее ждет ее? Девушка с востока так просто не сдается, даже после смерти родителей. Она решила никогда больше не возвращаться домой и не видеть друга их семьи – в первые, самые тяжкие дни ее сиротства он попытался ее соблазнить, но не предложил законный брак. Беззвучно всхлипывая, героиня уезжает из родного города, и не оглядывается, ни разу.

В перерывах между эпизодами девушка звонила родителям. Льюк поздравил ее с помолвкой от имени всей съемочной группы.

– Друзья, я буду рада видеть вас всех на нашем венчании и свадебном банкете, – ответила Саманта и похолодела – вдруг ее Ричард не захочет пышного застолья?

– Я дам вам, дети мои, отпуск на три дня и три ночи, – сказал режиссер с гаденькой ухмылочкой. Саманта вздрогнула и покраснела. Все окружающие теперь знают, что следующая ночь будет для нее брачной. Она улыбнулась и поспешила в свой трейлер. Скоро приедет дон Рамон, а она еще не готова. Девушка быстро приняла душ, заплела волосы в косу и уложила ее вокруг головы сияющей короной.

– Сеньорита, вы готовы? – раздался за дверью голос Рамона.

На кухне ранчо полным ходом шли приготовления к ужину в честь помолвки молодого хозяина. Сеньора Хулия собственноручно взбила сливки с ванилью и сахаром, разложила в порционные стаканчики и поставила в морозилку огромного холодильника. «К вечеру будет мороженое, как любит Рикардо». Две ее молодые помощницы выпекали гору тортилий. На другой плите кипели острый томатный соус и фасолевый суп. Напевая, сеньора начала резать фрукты для украшения пирожных. Ее темные глаза светились счастьем.

На кухню влетел Ричи. Сейчас он был без пиджака, узкий галстук распушен, рукава белой рубашки закатаны до локтей.

– Рикардо, ты еще не готов? – вскрикнула сеньора. – Невеста же твоя вот-вот приедет. Рамон мне позвонил, что они проехали середину пути.

– Хулита, ты тоже иди, переодейся, – сказал Ричи. – Вы с Рамоном сейчас будете принимать будущую миссис Сарандон как мои родители.

Глаза сеньоры увлажнились.

– О, мой дорогой мальчик.

– Я принес тебе кое-что, пожалуйста, надень к столу, – попросил Ричи и передал родственнице синий бархатный футляр. Она раскрыла его и зажмурилась. На белой атласной подкладке красные камни показались ей алыми пятнами крови.

– Это же рубины твоей матушки, – ахнула Хулия. – Вдруг твоя молодая жена захочет их носить?

– Саманте больше подойдут сапфиры, бриллианты, жемчуг, – сказал Ричи. – Носи эти рубины, пожалуйста, сегодня и всегда.

– Как скажешь, дорогой, – ответила сеньора Лопес, уже представляя себя в красной диадеме, ожерелье и серьгах во главе праздничного, украшенного свечами, сервированного фарфором, серебром и хрусталем стола в патио у бассейна.

– А мясо давно маринуется? – спросил Ричи. – Так уже хочется, есть, – и он приподнял крышку большой блестящей кастрюли, вдыхая аромат маринада из острых трав, перца и лука.

– Час назад я полила его красным вином, – ответила Хулита. – Рамон пожарит это мясо над углями, как ты любишь.

– Замечательно, – мурлыкнул Ричи и запустил руку в кастрюлю.

– Что ты делаешь? – вскрикнула сеньора и застыла на месте, наблюдая, как ее воспитанник подцепил ладонью большой кусок сырого мяса, поднес ко рту и с наслаждением впился в него белыми зубами.

– М-м, – простонал он в кулинарном экстазе.

– Подожди, дай я тебе сделаю хоть соус тартар, – дрожащим голосом сказала Хулия.

– Не хочу ни майонеза, ни соленых огурцов, – невнятно сказал Ричи с набитым ртом. – Что может быть вкуснее сочного молодого мяса?

Проглотив весь кусок, он подошел к Хулите, обнял ее за талию и потерся щекой об ее плечо и щеку.

– Спасибо, очень вкусно, – почти промурлыкал он. Глаза его закрылись, лицо расплылось в довольной улыбке.

– Смотри, ты весь испачкался, – сказала сеньора. Его белая рубашка была заляпана багровыми кляксами, губы и подбородок казались вымазанными жертвенной кровью. Хулита взяла бумажные салфетки и вытерла лицо Ричи, как когда-то в его детстве.

– Иди, переоденься, в твоём шкафу еще есть несколько чистых белых рубашек.

– Сейчас, – Ричи разжал объятия и сладко потянулся. – Я быстро, – он чмокнул ее в мягкую щеку и вылетел из кухни. Хулита вслед перекрестила своего воспитанника, но в глазах ее теперь застыл страх.

Вскоре из-за ворот ранчо прозвучал резкий гудок, и Ричи поспешил встретить свою невесту. Он успел сменить рубашку, надел пиджак, затянул узкий галстук и в темном костюме выглядел истинным аристократом. Дон Лопес лихо развернул машину в первом дворе ранчо, Ричи распахнул дверцу и помог выйти прекрасной пассажирке. Они взялись за руки и не смогли оторвать глаз друг от друга. На старинном ранчо в испанском стиле девушка казалась случайной гостьей. Ее белый шелковый брючный костюм и скромная нитка жемчуга были бы более уместны на чопорном рауте восточного побережья США, но Ричи жадно смотрел на нее, от его крепкого рукопожатия горячая волна прокатилась по ее телу, и Саманта ощутила, что он искренне рад ее приезду. Она вздохнула и, довольная, опустила глаза. Ричи опомнился, нежно поцеловал ее руки и сказал:

– Пойдем, дорогая, я представлю тебя моей названной матушке.

Рука Саманты осталась в его широкой ладони, жених и невеста спустились в патио к бассейну. Каблуки-шпильки туфель Саманты звонко цокали по белым мраморным плитам патио. Сеньора Хулия Лопес добавляла последние штрихи к убранству праздничного стола – расставляла серебряные свечи под хрустальными колпаками. Плетеные кресла вокруг стола заменили дубовыми стульями, тяжелыми даже на вид.

– Хулита, дорогая, пожалуйста, познакомься, – начал Ричи бархатным голосом. – Это мисс Саманта-Виктория-Элизабет Гловер. Она оказала мне честь, согласившись завтра стать миссис Сарандон.

– О, сеньорита Самина, я рада вас видеть, надеюсь, вы составите счастье нашего Рикардо, – ответила сеньора и потянулась обнять девушку. Рубиновые браслеты на запястьях

хозяйки сверкнули темными искрами. Саманта позволила себя поцеловать и обрадовалась радушному приему. В этот момент подошел дон Лопес и пригласил всех к столу. Саманта и Ричи сели вместе, а супруги со стажем заняли места на противоположных концах роскошно убранного стола. Ричи зажег все свечи, хотя в патио и так было светло от полной серебряной луны. Казалось, ночь была светлее дня, от бассейна тянуло приятной прохладой, в его родниковой воде отражались теплые огоньки свечей. Полная серебряная луна прочертила перламутровую дорожку по поверхности воды. Стол был заставлен красиво украшенными блюдами с закусками.

– Изумительные запахи, – сказала Саманта и почувствовала, что голодна. Приятные волнения этого дня не дали ей уделить себе минутку внимания.

– Позволь, малышка, я поухаживаю за тобой, – сказал Ричи. – Что тебе предложить?

– Пожалуйста, на твой вкус, – ответила девушка. – Только что-нибудь не очень острое.

– Мы, как и мексиканцы, ценим острые приправы, – усмехнулся Ричи.

– Какие? – захлопала глазами Саманта, прикидывая, что будет готовить своему мужу.

– Острые шутки, горячие танцы, обжигающую страсть, – сказал Ричи, понизив голос. Саманта залилась краской.

– Вина? – предложил дон Рамон.

– Немного, сухого, – ответила девушка.

– Вот легкое золотистое вино с виноградника Сарандонов из Калифорнии, – сказал сеньор и передал Ричи бутылку.

– Дон Рамон Лопес забыл уточнить, что тоже владеет частью этих виноградников, – заметил Сарандон, наполняя бокал невесты.

– Позвольте мне сказать, – она подняла бокал. – За вашу дружную семью. Я рада, что вы так тепло приняли меня, миссис Лопес, мистер Лопес.

– А как же иначе, деточка? – ответила синьора и смахнула слезу.

– Твои родители придут на вашу свадьбу?

– Нет, они не смогут, – произнесла Саманта, вспоминая последний разговор с матерью по телефону. Не говорить же этим милым простым людям, что строгая мама посчитала ее рассказ о предстоящей свадьбе дурной шуткой. – Мама плохо меня слышала, были помехи на линии, – продолжала девушка. – Значит, они узнают о нашей свадьбе из газет, – и улыбнулась жениху.

– Жаль, что их не будет на нашем бракосочетании, – ответил он. – Но мы навестим их после окончания медового месяца.

– Обязательно, – сказала Саманта.

Подали суп, аппетитный и сытный.

– Крошка моя, возьми немного гренков, – посоветовал Ричи между двумя ложками. С детства он обожал острые мексиканские супы, приготовленные Хулитой.

– Гренки? Где гренки? Вот это вот? – подняла брови Саманта при виде горки белых сухариков на тарелке. Золотистые, обжаренные в масле куски белого хлеба, вымоченного в яйце, и горячий кофе с молоком были любимым воскресным завтраком семейства Гловер.

Ричи усмехнулся и посыпал суп невесты горстью белых сухариков.

– По-французски они называются крутоны, – пояснил он.

– Очень вкусно, – вежливо произнесла она, глотая обжигающую красную жидкость.

– Вторая перемена, – возгласил сеньор Лопес, когда суп был съеден.

– Сейчас Рамон пожарит нам мясо, – пояснил Ричи Саманте. Мангал с рдеющими углями был уже подготовлен, замаринованное мясо в большой кастрюле доставлено с кухни.

– Я помогу мужу, а ты, Рикардо, покажи Самине наше ранчо, – попросила сеньора.

– Охотно, и я еще не насытился, – Ричи белозубо улыбнулся Хулии, взял невесту за руку и повел на второй этаж, в аркаду, окружающую с четырех сторон патио с бассейном.

– О, Ричи, твой старинный дом очень красив, – восхищенно сказала Саманта, опираясь на перила галереи. Внизу, у мангала, слажено работала чета Лопесов.

– Я люблю мой дом, он часть меня, – серьезно сказал Сарандон. – Ты, правда, хочешь выйти за меня? – добавил он после паузы.

– Да! – твердо ответила Саманта, но голос ее задрожал, прервался, и она тихо проговорила: – Я тоже хочу стать частью тебя.

– ...пока смерть не разлучит нас, – процитировал Ричи старинный супружеский обет.

– Да, – выдохнула невеста.

– Благодарю тебя, сердечко мое, – сказал Ричи и прижал ее к себе. Она подняла к нему бледное лицо, сияющее в лунном свете, и жених бережно коснулся губами ее нежных губ, как в первый раз на берегу Солт-Ривер.

– Я уже чувствую себя твоей частью, – прошептала Саманта.

– Моя радость, я весь твой, – Ричи поцеловал ее руки.

– Спускайтесь, мясо готово! – крикнул снизу Рамон и помахал им рукой.

– Я хотел бы показать тебе свою спальню, – хитро прищурился Сарандон.

– Но, сэр, я честная девушка, – игриво потупилась Саманта. – И нас ждут твои родственники.

– Что ж, не будем огорчать стариков.

– Они у тебя такие милые.

Ричи помог Саманте спуститься по мраморной лестнице и занять место за столом. Подали мясо с зеленью и красное вино. Сеньора Лопес со своего места тревожно присматривалась к Ричи и его невесте. Он очень напугал ее сегодня на кухне, когда с аппетитом поедая кусок сырого мяса. Почему ее вежливый, воспитанный Рикардо повел себя как дикий голодный зверь? Мальчиком он был спокойным, конечно, в отрочестве стал диким и необузданным, но те трудные времена уже давно миновали. «Сумеет ли юная нежная Самина укротить зверя, который проснулся в нашем Рикардо?» – печально думала сеньора, не чувствуя вкуса сочного ароматного мяса.

– Никогда не ела такого вкусного барбекю, – сказала Саманта, отодвигая пустую тарелку. Проворные слуги увезли грязную посуду на специальной тележке.

– А что у нас на десерт? – весело осведомился Ричи.

– Ты не наелся, мой мальчик? – горестно ахнула Хулита.

– Наелся, но хочется еще что-нибудь пожевать, – честно ответил он и покосился на губы Саманты.

– У нас еще есть твое любимое мороженое и пирожные со взбитыми сливками, – сказала сеньора.

– Их нужно запить шампанским, – предложил Ричи.

– Пойдем, выберем бутылку в подвале, – поддержал его Рамон. Мужчины поклонились дамам, и вышли из патио.

– Самина, дорогая, я приготовила для вас на завтра спальню родителей Рикардо, – сказала Хулита, подходя к девушке.

Она залилась горячим румянцем и пролепетала:

– Рикардо... вы так его называете по-мексикански?

– Ты же знаешь, что у семейства Сарандон испанские и индейские корни. Их предок-ацтек был жрецом бога-леопарда.

– Как интересно, вы мне об этом расскажете? – попросила Саманта.

– Конечно, милая, но я знаю немного, больше знает сеньор Лопес, попроси его рассказать тебе историю этого семейства.

– Обязательно, – ответила девушка. – Я читала о семье Ричи в Интернете.

– Сеньор Лопес расскажет тебе о том, что не попало на сайт. А сейчас хочешь посмотреть вашу комнату?

– С удовольствием, и большое вам спасибо за хлопоты.

Хулита повела ее на второй этаж галереи.

– Вот комната Рикардо, а вот и ваша, – сеньора распахнула двухстворчатую дверь и включила верхний свет. Хрустальная люстра зажглась в центре огромной комнаты и осветила широкую кровать. Белое атласное покрывало на ней было вышито гирляндами роз, белые кисейные занавески закрывали окно.

– Там балкон, вы можете на нем завтракать, твоя гардеробная – направо, а у Рикардо – налево, – рассказывала Хулия.

– Я вам очень благодарна, миссис Лопес, вы так хорошо приняли меня, – растрогано сказала Саманта.

– А как же могло быть иначе? – удивилась пожилая сеньора. – Ведь Рикардо очень тебя любит, а мы любим его.

Ричи и Рамон двигались по винному подвалу, освещенному тусклым электрическим светом.

– Ну, Рамон, что ты предложишь нам выпить, чтобы достойно завершить вечер моей помолвки?

– А сейчас у нас что, быстрый мальчишник? – усмехнулся сеньор Лопес.

– Ну, раз так... – Ричи достал два стакана из укромного места за большой дубовой бочкой и повернул кран. Рубиновая влага потекла в стаканы, терпкий опьяняющий аромат разлился в воздухе.

– Я рад, что ты женишься, мой мальчик, желаю вам счастья, – сказал Рамон.

– А уж как я рад, – засмеялся Ричи. Стаканы звякнули, сеньор потрепал жениха по плечу, вынул одну из дюжины бутылок шампанского из наклонного лежа в деревянном стеллаже и пошел к выходу.

– Спасибо за то, что привез Саманту на ранчо. Вы с Хулитой очень хорошо приняли ее, – сказал Ричи, идя вслед за верным стариком.

Он остановился у входа и повернулся к Сарандону.

– Сеньорита Самина нам понравилась. Сразу видно, что она хорошая девушка и любит тебя. Мы надеемся, что ты будешь счастлив с ней.

– Спасибо, Рамон, я у тебя в долгу.

– Кстати, когда мы ехали на ранчо, я слышал рев и вой огромной кошки.

Ричи побледнел, схватил рукоять кольца – кобура висела у него под пиджаком – и спросил похолодевшими губами:

– Саманта слышала?

– Не знаю, во всяком случае, ничего не спросила, – ответил Рамон.

– Ну что ж, пойдем скорее к нашим дамам, – беззаботно улыбнулся последний Сарандон.

Когда женщины появились на лестнице, мужчины уже сидели за столом. Ричи поспешил помочь им спуститься.

– Попудрила носик, любовь моя? – лукаво шепнул он, прижимая к сердцу руку Саманты. Она покраснела.

– Я показывала Самине вашу комнату, – сказала Хулия. Ричи побледнел.

– Ой, что это? – Саманта с изумлением рассматривала большую бутылку зеленого стекла на серебряной подставке в виде старинного пушечного лафета.

– Шампанское «Дом Периньон», – пояснил Рамон.

– Но это же... это же... самое дорогое шампанское в мире, – пролепетала растерянная девушка.

– Ты пробовала это шампанское? – спросил Ричи.

– Нет, никогда, – Саманта залилась румянцем смущения.

– Ну что ж, ты его попробуешь сейчас, вместе со мной, – нежно сказал Ричи.

Лопес ловко откупорил и разлил шампанское по специальным округлым бокалам.

– А мы дома пили шампанское из узких высоких фужеров, – ахнула Саманта.

– Людовик Шестнадцатый приказал сделать эти бокалы в форме груди своей супруги, королевы Марии-Антуанетты, – пояснил Рамон.

– Кто же снимал мерку с груди королевы? – захолопала ресницами Саманта.

– Конечно, сам король Франции, – засмеялся Ричи. – Он был мастер на все руки, любил работать на токарном станке.

– Правда? – удивилась девушка.

– Тогда это было модным увлечением европейских королей, – сказала сеньора Лопес. – Русская царица Мария выточила на токарном станке медальоны с портретами царя, своего супруга, и их детей.

– Их предок Петр Великий делал на токарном станке вазы и кубки, которые потом дарил европейским королям, – добавил Ричи.

Саманта удивленно смотрела на хозяев ранчо. В какую удивительную семью она попала! Они рассуждают о давно умерших королях так, как будто были с ними лично знакомы. Мама Саманты, школьная учительница истории, никогда даже не затрагивала дома подобные темы.

– Как много вы знаете, – протянула девушка.

– Извини, котенок, мы отвлеклись, – сказал жених и поднял бокал.

– Я хочу выпить за ваше счастье, дети мои, – сказал Рамон. – Вы нашли друг друга, так и приходит настоящая любовь.

– Да, – сказал Ричи и подмигнул невесте. Бокалы сдвинулись с легким звоном, сеньора Лопес смахнула слезу и добавила:

– Будьте счастливы, берегите друг друга.

– Спасибо, – выдохнула Саманта и пригубила шампанское. Колкие иголки зашевелили ее небо и язык.

– Ой, оно все еще пенится, и пузырьки такие серебристые.

– Хорошее шампанское пенится сутки после откупоривания, – сказал Рамон. – Помнишь, Ричи, нашу поездку во Францию летом тысяча девятьсот семьдесят второго года?

– Да, с родителями и братом, – задумчиво ответил Сарандон.

– И ты пил там шампанское? – в ужасе вскричала Саманта.

– Нет, Сэмми, мне было тогда десять лет, – успокоил ее жених. – Но я ходил в винные погреба вместе с отцом, братом и Рамоном.

– Мне кажется, что твои дорогие родители, Рикардо, с небес благословляют ваш брак, – сказала сеньора Лопес.

«И Дайана, и Лайза-Энн», – мысленно добавил Ричи и сказал вслух:

– Так оно и есть, дорогая Хулита.

– Самина, дорогая, ты бы им понравилась, – продолжала сеньора Лопес. Невеста всхлинула:

– Вы так добры ко мне.

– Сэмми, я купил нам венчальные кольца, надеюсь, угадал с твоим размером.

Ричи вынул из внутреннего кармана пиджака белую атласную коробочку. Девушка затаила дыхание. Жених поставил коробочку на стол и открыл ее. На белом бархате мягко блеснули два кольца, золотые даже в серебристом свете полной луны. Казалось, они испускают собственное сияние.

– О, Ричи, какая прелесть, – ахнула Саманта.
– Позволь, любовь моя.
Ричи взял золотой ободок и надвинул его на безымянный палец невесты.
– Как ты угадал с размером? – удивилась она.
– Старался, – усмехнулся жених.
– А... – начала девушка. Тоскливый душераздирающий вой разнесся над патио. Все вздрогнули.
– Что это? – побелевшими губами шепнула Саманта.
– Не бойся, любимая, – Ричи привлек ее к себе. – У нас так бывает.
– Дикие звери вышли на охоту, – спокойно сказал Рамон.
– Тут у вас как в прошлом веке на фронтире, – улыбнулась Саманта.
– Места у нас еще дикие, но на ранчо нам ничего не грозит, – сказала сеньора. – Мои мужчины стреляют метко.
– Не надо никого убивать, – попросила Саманта и стянула венчальное кольцо. Громкий вой перешел в хриплое басовитое мурлыканье.
– Ой, – девушка вздрогнула и разжала пальцы. Кольцо прокатилось по столу и полетело в бассейн. Ричи глухо рыкнул, с места прыгнул через стол, упал на колено и перехватил кольцо у самой воды. Женщины ахнули.
– Не бойтесь, вот оно, – на ладони Ричи сиял золотой ободок.
– О, дорогой, какой ты быстрый, – восторженно сказала невеста, а Рамон помрачнел – только что его воспитанник проявил нечеловеческую быстроту и ловкость. «Останется ли он человеком, или превращение зашло уже слишком далеко? – с горечью думал пожилой сеньор. – Но звери не любят алкоголь, а Ричи охотно пьет вино».
Жених убрал кольца в коробочку и спрятал ее обратно в карман пиджака.
– Выпьем кофе? – предложила сеньора.
– Кофе на ночь? – удивилась Саманта.
– Да, уже очень поздно, – сказал Рамон.
– Сэмми, останешься на ранчо? – предложил Ричи. – Завтра утром поедем венчаться отсюда.
– Нет, я бы хотела вернуться к себе, – ответила невеста. – Очень хочу выспаться, я так устала за этот день.
– Бедняжка моя, – нежно сказал Ричи. – Я отвезу тебя на мотоцикле.
– На мотоцикле, – ахнула Саманта. – А ты с ним сейчас справишься?
– Не бойся, маленькая леди-янки, из седла меня не выбьет никто и ничто, – ухмыльнулся Ричи.
– Мы пили только легкое вино, – поддержал его Лопес.
– Надо вызвать такси, тогда я доберусь одна, – предложила Саманта.
– Это у вас на востоке такси приезжает сразу после вызова, а у нас такси из Финикса прибывает, в лучшем случае, к завтрашнему утру, – сказал Рамон.
– Что ж, тогда мы поедем на мотоцикле, – решила Саманта и улыбнулась Ричи. Лопесы проводили жениха и невесту до ворот ранчо. Ричи вывел мотоцикл из гаража, надел на Саманту свою кожаную куртку, шлем и сел за руль. Девушка расцеловалась с сеньорой и вскочила в седло позади Сарандона.
– Надень шлем, – властно шепнула она ему в ухо. Ричи что-то пробурчал себе под нос, но послушал невесту.
– Молодец, – нежно шепнула Саманта.
– Держись, – рыкнул он. Она двумя руками обхватила его талию. Рамон распахнул ворота, Ричи нажал ногой стартер, мотоцикл рванул с места как шаттл с мыса Канаверал. Саманта закрыла глаза и прижалась щекой к спине жениха. От него исходило ровное мощное тепло,

и девушка унеслась мыслями далеко на восток, в свой родной дом. Точно такое же живое тепло горячего камина встречало ее, когда она возвращалась с зимней прогулки вместе с братьями, вывалившая ими в снег. А здесь, в Аризоне, песчаные дюны издают низкие мелодичные звуки, гонимые ветром пустыни.

Ричи лихо подкатил к трейлеру Саманты и резко затормозил. Она вздрогнула и очнулась. Не дожидаясь помощи, девушка спрыгнула на землю и расстегнула шлем. Ноги ее подгибались от быстрой езды, голова кружилась от счастья и шампанского.

– Спасибо, что подвез, милый. Ужин был замечательный. Мне понравилось твое ранчо.

– Ты действительно хочешь провести там наши первые дни после свадьбы? – жених подошел и взял шлем из ее рук.

– Да, – сияя улыбкой, ответила невеста. Крохотные бриллианты светились в ее ушах, отражая свет полной луны.

– Мы можем снять номер для новобрачных в Финиксе, или там, где ты захочешь, – нежно сказал Ричи, повесил шлем на руль и привлек к себе Саманту.

– Мне хочется побыть на твоём ранчо. Знаешь, когда я поехала со съёмок в библиотеку, я рассматривала его на экране компьютера, – тихо

сказала девушка, доверчиво глядя на него снизу вверх.

– Я рад, что ты полюбила мое ранчо, как люблю его я, – хрипло сказал Ричи и поцеловал невесту. Она закинула обе руки ему на шею и тесно прижалась. Аромат одеколона смешался с запахом разгоряченной кожи Ричи, жар его тела обжигал даже сквозь одежду. Под закрытыми веками Саманты вспыхивали звезды, тело, казалось, превратилось в желе. Она обмякла в железных руках жениха, и его жадные губы впились в нежную кожу ее горла. Тело Саманты выгнулось в руках Ричи, стон сорвался с влажных губ. Проснувшаяся чувственность пугала девушку, мужское обаяние Сарандона действовало неотразимо. Она, как и все женщины до нее, не могла сопротивляться желаниям Ричи. Все женщины, все... а бедняжкам Дайяне и Лайзе-Энн это стоило жизни. Саманта резко выпрямилась, глаза ее сверкнули, руки легли на шею жениха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.